

[Polaris]

А. СЕМЕНОВ

БЕЛЫЙ БУРХАН

Повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXXVII

Salamandra P.V.V.

**Александр
СЕМЕНОВ**

БЕЛЫЙ БУРХАН

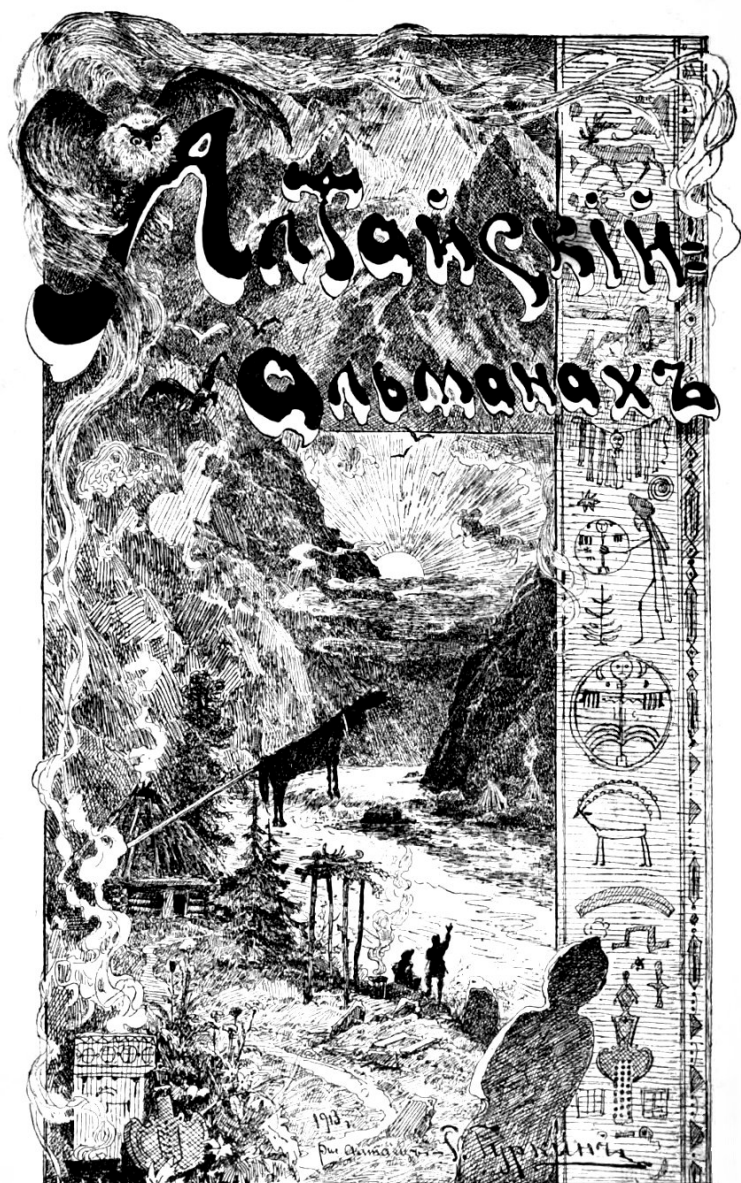
Повесть

Salamandra P.V.V.

Семенов А. С.

Белый Бурхан: Повесть. Подг. текста, сост. и прим. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 112 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXXVII).

Яркая и поэтичная повесть А. Семенова «Белый Бурхан», насыщенная алтайским фольклором, была впервые издана в 1914 г. и стала первым литературным отображением драматических событий, связанных с зарождением в Горном Алтае новой веры — бурханизма. В приложении к книге публикуется статья А. Семенова «Религиозный перелом на Алтае», рассказ «Ахъямка» и другие материалы.

БЕЛЫЙ БУРХАН

I

Той

Аил богатого алтайца Канакуэна раскинулся в широкой, но безжизненной, выжженной солнцем долине одного из притоков реки Урсул.

Аил состоял из нескольких юрт, в которых жили домоладцы, близкие родичи и пастухи Канакуэна. Ярko выделялась главная юрта, сшитая из лошадиных кож. В ней жил сам Канакуэн — богатый алтаец, скотовод.

В аиле праздновали «той» — свадьбу.

Канакуэн женил своего второго 8-ми-летнего сына Санабая на 11-ти-летней Сырге, дочери «зайсанга» — старшины Эрльдея.

Канакуэн уплатил за Сыргу двести рублей, подарил ее отцу трех лошадей, хорошее ружье, шкуру выдры и ведро араки. Калым был для богача Канакуэна ничтожный, но это произошло не потому, что гордый знатностью рода Эрльдей низко ценил свою Сыргу, а потому, что Канакуэн был также знатен родом и давно звал Эрльдея — «таныш», друг, а это что-нибудь да значит.

Уже кам совершил свои заклинания, возлив на огонь много араки для умиловивления злого Эрлика.

Уже гости съели зарезанную лошадь и порядком выпили. После различных церемоний подруги и родственницы невесты расплели ей косу на две части, после чего «кыз» — девушка — считается превращенной в «катын» — женщину. Наконец, молодых ввели в заранее приготовленную юрту с полной обстановкой для семейной и хозяйственной жизни, где Санабай важно занял место хозяина, принимая гос-

тей и поздравления.

На «тое» много было алтайцев-гостей.

Все знали гостеприимство богатого Канакуэна, знали, что в баранах у него недостатка не будет, а араки, по обычаю, каждый привез с собой.

У коновязи, вокруг юрты хозяина, стояло много оседланных лошадей, но, несмотря на это, аил казался безжизненным; в нем было тихо, как в покинутом.

Тихо было и в юрте «молодых». Юные супруги, выпившие араки, опьянели и мирно уснули на кошмах юрты, по-детски обнявшись.

Все гости собрались в просторной юрте самого Канакуэна, где старый Айнтай, сказатель былин, повествовал о подвигах алтайских богатырей.

Аил затих, будто замер, слушая песнь изрытого морщинами баяна.

Стар Айнтай, а глаза его блестят, как у юноши.

Перебирая бараньи струны на домре, вдохновенный старик ровным низким голосом пел:

— О шестидесяти шести пуговицах надевает золотую курму.
О девяносто девяти пуговицах надевает сверху черный пан-
цирь, —
Опоясывает колчан, из которого стрелы торчат, как оголен-
ный лес, —
Берет в руки стальное копье, похожее на голую лесину, —
В стремя ногами вступает, и, изогнувшись в три угла,
выезжает в путь, —
Алтай-Бучан — Богатырь!..
Из-под копыт вылетает пламя,
И земля как будто дышит туманом.
Высокие, высокие горы дрожат.
Большие, большие реки плещутся.
Проезжает в день, где нужно ехать месяц,
Проезжает в месяц, где нужно ехать три месяца.
Алтай-Бучан — Богатырь!

Вокруг Айнтая живописно расположились молодые женщины, мечтательно слушая былинку.

Старые алтайцы, строго нахмурившись, сосредоточенно тянули из трубок табачный дым. Молодые сидели поодаль, жадно ловя слова сказания.

На ковре, опершись на кожаную подушку седла, в самом темном углу сидела, по-алтайски скрестив ноги, 15-летняя Тутанхэ, единственная дочь старого вдовца Айнтая.

Только она одна не смотрела на своего отца и не слушала его, но горячим, как луч алтайского полудня, взглядом жгла молодого Чет-Челпана, дальнего родственника Канакуэна.

Далеко по Алтаю славилась красота Тутанхэ и гордость ее отца Айнтая.

Десятки славных сыргалуков-женихов отвергла Тутанхэ, и стольким же отказал сам Айнтай. Старые алтайцы говорили, что Тутанхэ так же хороша, как ее мать, бывшая первой красавицей в Алтае. Большие черные глаза девушки светились таким же вдохновением, как и у Айнтая.

Молчалив и скромен был Чет-Челпан. Но мыслью светился его высокий лоб, и в глазах сверкал мятежный дух. Глаза эти то темнели, как ночь, то загорались жгучим огнем, то впивались, точно стальное копье.

Чет сидел около Айнтая.

Рассказ о славном богатыре захватил его всецело. Он ни одной минуты не был спокоен. То нагнется совсем к плечу Айнтая, судорожно сжимая нож у пояса, то откинется назад и, казалось, далеко уносится мыслью. Глаза его тогда темнели, лицо становилось строгим, и весь он вдруг преображался, делался красивым и непохожим на всех других, слушавших сказку.

И не могла Тутанхэ оторвать глаз от молодого алтайца, следила за каждым его движением, и горели ее глаза, как звезды на небе в темную ночь.

Незаметно придвинулась она к нему и легонько тронула за плечо. Он вздрогнул и, быстро обернувшись, вдруг вспыхнул весь, но глаза Тутанхэ уже были опущены, и едва заметная улыбка играла на ее губах. Пожаром вспыхнули глаза Чета, когда он заметил легкий кивок на дверь.

За спинами увлеченных слушателей он тихо прокрался к выходу и остановился в ожидании. Из-под полога юрты, как стройная коза, скользнула Тутанхэ и быстро прыгнула в соседнюю пустую юрту.

Резвым волком бросился он следом и, схватив ее, трепещущую и горячую, обнял и, задышавшись, шептал:

— Почему не приходила? Почему упрячилась?..

— Не нравился и не сдавалась, — с тихим смехом сказала она. — А ты думал, легко взять Тутанхэ? — прибавила она и выпрямилась.

Но тут же, как кошка, бросилась ему на шею и замерла.

— А сегодня полюбила! — прошептала она спустя минуту.

Вскинул ее на руки, опустил на ковер и, сев возле, спросил:

— А теперь пойдешь в юрту мою?

— А сколько калыма уплатишь Айнтаю, чтобы Тутанхэ была твоей? — лукаво спросила она.

Лицо Чета омрачилось.

— Ведь ты же знаешь... Айнтай не хочет моего калыма...

Девушка ласково погладила его черные и жесткие волосы.

— Не надо твоего калыма! Я без калыма пойду к тебе! Не пустит отец — уйду сама, ведь ты сумеешь увезти меня, мой Алтай-Бучан?!...

Чет порывисто обнял девушку, и она покорно и просто отдалась ему.

В главной юрте послышался гул многих голосов. В один миг Тутанхэ упорхнула от Чета. Он подполз под боковину, обошел юрты, отвязал своего Буланого и через мгновение был далеко от аила Канакуэна.

Лунная ночь ласковой прохладой дышала ему в лицо.

Горы застыли в немом величии, белые вершины их в серебристом блеске луны казались еще белее. В долине реки дремали одинокие среди лугов огромные лиственницы, будто слушали, что напевала им неутомонная горная река. Скалистый противоположный берег с лесом на вершинах

скал казался сказочным замком, окруженным полуразрушенными стенами с бойницами и башнями.

А вокруг было пустынно и дико.

Глухо шумела река, да на озерке, у подножия черной скалы, стонала утка-варнавка, разбуженная топотом коня.

Буланый шел крупной ступью, чуя знакомую дорогу в родной аил.

Грудь Чета, наполненная любовью, восторженно вдыхала чистый горный воздух.

Первый девственный и жаркий поцелуй Тутанхэ еще горел на его губах, и когда Буланый взлетел на гору, и перед Четом раскрылась панорама родных могучих гор, залитых серебристым светом, он запел свою любимую песню:

Треуголен ты, Хан Алтай,
Когда взглянешь на тебя с высоты,
Со стороны поглядишь на тебя—
Ты блистешь, как девятигранный алмаз.
Когда же со ската горы окинешь взором тебя,
То, как плеть расплетенная, тянутся хребты твои...

То соколом быстрокрылым к небу вскидывалась песня, то, как рокот могучей Катунь, опускалась она в долины между гор и эхом раскатывалась по ущельям.

Долго пел всадник, восхваляя красоты Алтая, как вдруг до его слуха донесся сзади другой голос.

Чет быстро съехал с дороги и, поднявшись на один из утесов, остановил коня и замер, слившись с камнями.

По дороге от аила Канакуэна быстро ехали два всадника.

Чет узнал в них Айнтая и Тутанхэ. Он был на вороном жеребце, а она на белом иноходце.

«Ой, гордый Айнтай, — думал Чет, — пять раз слал к тебе сватов, пять баранов колол, не сказал ты “хорошо”, не дал согласия».

По горе всадники поехали шагом. Тутанхэ что-то оживленно говорила отцу, но Чет не расслышал ее слов.

Старик нетерпеливо отмахивался от нее рукой и громко импровизировал, напевая:

Не спрашивай у девки ума —
Ей нужен только красивый парень.
Она никогда не поймет,
Как тяжело жить алтайскому народу.
Худо жить стало алтайцам,
Родные Алтай-горы стали для них чужими.
Все отняли пришельцы-русские
И гонят алтайцев из отцовских мест...

Тутанхэ опять стала говорить что-то отцу, и Чет ясно услышал свое имя.

Но старик опять запел:

...Губернскому чиновнику что нужно?
В серебряных вожжах конь нужен.
Несчастному Алтаю что нужно?
Сильный разумом сын-богатырь нужен...

Они проехали мимо.

Долго еще стоял Чет на скале, облитый лунным светом, и думал:

«Да, несчастному Алтаю сильный разумом сын-богатырь нужен...

Ой, горд ты, Айнтай! От ханов идет твоя кровь! Не зря суров и тщеславен, и знаю я, зачем ты пел Тутанхэ свою песню».

II

Камлание

Лунная летняя ночь туманным шатром висела над Алтаем. Полная луна тихо плыла по черному небу и обливала серебристо-зеленоватым светом и кряжи гор, и одинокого всадника, тихо ехавшего по звонкой долине Кок-Су — Голубая вода.

Это ехал Чет, глубоко задумавшись и не обращая внимания на красоту алтайской ночи.

Вдали гукал филин.

Вот уже месяц прошел с тех пор, как черноокая Тутанхэ в порыве страсти отдалась ему и обещалась стать его женой, а между тем, ее нет с ним до сих пор. И нигде он не может встретить девушку, чтоб поговорить с нею. Она точно избегает его. Да, конечно, избегает. Разве не замечал он иногда, подъезжая к айлу старого Айнтая, как белый иноходец Тутанхэ быстро скрывался в горах, унося девушку подальше от Чета?

— Не хочет она меня!

Чет ехал узкой тропой по увалу, заросшему группами лиственниц, и шум реки едва достигал сюда.

Внезапно раздалось звонкое ржание коня, и из-под группы лиственниц быстро выехал темный всадник.

— Езень! — приветствовал он Чета.

Чет вздрогнул от неожиданности.

— Езень! — ответил он, узнав старого Айнтая.

— Ни табышь — какие новости?

— Табышь ёк, — новостей нет.

Помолчали.

— Ты куда? — коротко бросил Чет.

— Сутын-Кай хворает, камлать Пустелянга будет, туда еду.

— И я туда еду!

— Яхши!

Опять помолчали.

Айнтай пытливо посмотрел в лицо Чета и потом сказал:

— Чего молчишь, парень?

— Думаю...

— Думаешь... Что думаешь?..

— Думаю — зачем мы едем? Сутын-Кай шибко хворает... Все одно помрет!.. Никакой кам не поможет, — а мы едем на камланье... Последнего коня Сутын-Кая убьем и съедим. Зачем это?

— Худо говоришь, парень! — сурово прервал Чета старый Айнтай. — Заветы отцов блюсти надо! Вот и плохо нам стало оттого, что нет веры... Упала вера... А раньше хорошо было...

— Ой, Айнтай, ты ведь знаешь, как у меня хворала мать. Кам тогда три раза камлал. Ульгеню¹ камлал, Эрлику² камлал два раза — все худо, помирает мать. Пустелянга говорит: «Еще камлать надо», а у меня уж один, вот только этот Буланый остался. Чуть не плакал я, однако хотел еще камлать, потому что кам говорит: «Если не камлать — умрет мать, непременно умрет». Сказал я тогда матери: «Как быть?» А она говорит — не надо камлать больше! Нельзя, говорит, алтайцу без коня жить... Все равно, говорит, помирать. И не стал я камлать. Пустелянга долго грозил: «Умрет мать, камлать надо...» А я не хочу, и мать не хочет. Вдруг — ей лучше. Поправилась, сам знаешь, здорова... Где же правда у кама? Им давай — они берут и берут, а лучше — все нет...

— Ишь ты, молодой, а умный... Заветы дедов...

— Заветы дедов? — перебил Чет, и глаза его заблестели. — У дедов всего было много, а они отдали Алтай русским! Зачем? Вот ты поешь: «Худо жить стало алтайцам», а почему? Теперь вот русские все взяли. Ты поешь: «Мы уходим из отцовских мест», — и верно, бежать скоро придется из Алтая, а почему? Потому, что русские дали нам болезни и бедность, а сами берут хорошие земли и стада и

¹ Ульгень — бог добра, живущий в небесах (*Здесь и далее прим. авт.*).

² Эрлик — бог зла, живущий в преисподней.

ничего не оставляют алтайцам, чтобы жить. Много ли алтайцев теперь есть, у которых большие стада? А тут камы говорят: «Камлать надо, чтобы легче жилось», и за камланье последнего коня берут. Кто теперь богат? Одни камы да зайсанги богаты. А почему они богаты? Потому, что продали Алтай русским, и на Алтае скоро будут жить одни русские...

— Да, это верно! Русские худо делают... — в раздумье сказал Айнтай. И грустно, вполголоса, запел новую песенку:

...Рубящий дом о четырех углах —
Топор остер!
Сорок племен угнетающий —
Русский сердит...
Возьмем, товарищ, шестисуставную дудку, заиграем,
Вечерняя заря взошла, —
Давай, товарищ, убежим...

Сказав несколько слов речитативом, Айнтай высоким тенором взял минорную ноту и долго тянул ее, пока не оборвал, как бы нечаянно уронив ее.

Чет ехал в глубокой задумчивости, в которой снова грезились ему черноглазая и страстная Тутанхэ.

— Слушай, — заговорил Айнтай, прервав песню, — ты знаешь, как пришли русские? Нет? Так знай — их привел сам злой Эрлик. Хочешь, я расскажу тебе, как Хан Кара-Кубек еще вдолге до прихода русских предсказал, какое несчастье постигнет Алтай? Слушай...

«Вот и горы!» — сказал хан Кара-Кубек. Поднялся на одну из них о девяти конусах, огляделся вокруг и увидел всю поверхность земли. Видит он, что белый скот на пастбищах питается белыми солончаками, а меж голубых гор течет целебный источник «Аржан-Кутук», из которого пьет воду весь алтайский народ, бесчисленный, подобно лесу.

И увидел хан Кара-Кубек, как со стороны, куда падает солнце, движутся черные тучи. Много их, и гром там гремит, злой Эрлик гонит эти тучи и бросает гром. И видит хан, как под каждым ударом грома тают белые стада у ал-

тайцев, а сами они прячутся в горы. И меньше стало народа алтайского, уже перечесть можно. Заплакал тут хан Кара-Кубек над несчастьем алтайского народа, а злой Эрлик хочет из ущелий...»

Внезапно залаяла собака, — калмыки подъехали к айлу.

В юрте Сутын-Кая собралось много гостей и родственников больного. Все сидели в юрте, говорили о своих обычных делах, курили трубки и пили араку.

Тут же у огня, посреди юрты, накаливали для камлания бубен, чтобы звучнее был он.

Шаман Пустелянга, средних лет алтаец, похожий на всех, сидел среди гостей и задумчиво курил.

Когда бубен был готов, он встал, окропил поданной в горшке водой огонь, бубен, вход в юрту и лежащего тут же больного.

Затем быстро оделся в маньяк — спитую из кож, вверх шерстью, одежду, увешанную разноцветными лентами, жгутами из тряпичных змей, монетами, бубенчиками, колокольцами — песни девяти дочерей доброго бога Ульгения — и различными другими украшениями, от которых маньяк был тяжел и громоздок.

Одел порук — шапку — взял бубен и, ударяя в него, начал петь речитативом грустную мелодию, качаясь из стороны в сторону, плавно приплясывая и повертываясь на одном месте. Сначала он пел нерешительным и неровным голосом, но потом голос его все более креп, и звуки мелодии неслись уже увереннее и громче, исчезая и перекатываясь в горах певучим эхом.

Вызывая злых духов, шаман по временам останавливался и бросал в огонь щепотку зеленого листового табака, произнося глухо и таинственно:

— Ок-пулуй!... Ок-пулуй!...¹

И все присутствующие подмахивали к себе табачный дым и тоже восклицали:

— Ок-пулуй! Ок-пулуй!

¹ Ок-пулуй — непередаваемое восклицание вроде: «Чур меня».

Шаман все более и более увлекался священнодействием, приходил в экстаз. Его голос то звучал громко, грозно, то переходил в тихие рыдания, то, замирая, умолкал. Шаман как будто к чему-то долго и напряженно прислушивался, но вскоре бубен снова громко, оглушающе звучал, и снова раздавались дикие заклинания шамана, который сам становился грозным и вызывающе кричал на всесильного бога.

Быстро кружась на одном месте, с воем прыгая из стороны в сторону, сильно ударяя в бубен, шаман все глубже погружался в преисподнюю, все ближе подходил к железным воротам страшного Эрлика.

Но вот кам стих и беззвучными жестами стал показывать, что духи, по вызову его, стали собираться. Сначала они толпами носились у юрты, потом проникли внутрь ее и стали издавать глухие крики.

В юрте послышалось стрекотанье, печальный клик кукушки, сороки, мелодичное курлыкание журавля и зловещий клекот ворона, уханье филина и хохот совы. Раздалось змеиное шипенье и свист крыльев невидимой огромной птицы. В жутком оцепенении сидели гости и слышали, как неслись эти звуки из всех углов юрты, из-за больного, снаружи и из под лежащих в углу юрты седел...

Наконец Пустелянга перешел к пению молитв. Напев суровый и торжественный сменялся грустной мольбой, жалобой отчаяния и безнадежности.

Пустелянга камлал Ак-Иаику, белому духу, посреднику между человеком и Ульгеном, и четко выговаривал слова священной мистерии:

— О, Ак-Иаик, опоясанный золотой лентой небесной дуги! Ты, громовержец, в осенние дни, в подсолнечном пространстве бросаешь молнии, которые в твоих руках, как пламенная плеть! Ты крылатый, как дракон! Бег твой — бег небесной быстроты! Подножие твое — облачные обвалы! Творец людей, живущих в кошменных юртах! Создатель скота, который по твоему повелению стоит на своих пастбищах! Ты, едущий на бурых конях, гривы и хвосты которых обхватывают всю землю! Кнут твой — черная выдра,

подхвостник твоей лошади — серая выдра! Ты, лежащий на отвесной скале! Ты, украшающийся красным сукном и одевающийся черным бархатом! Ты, отдыхающий в тени белой березы с золотыми и серебряными листьями, слушай меня!.. Отгони духов, мучащих Сутын-Кая! Отгони... Ок-пуруй, Ок-пуруй!

Темя синих гор — твое место. В синем небе тебе слышен зов.

Темя белых гор — твое место. В белом небе тебе слышен зов. Ок-пуруй, Ок-пуруй!..

Присутствующие сидели, не шелохнувшись. Некоторые лежали вниз лицом и трепетали, охваченные страхом.

Только один Чет, сидя около упавшего ниц Айнтая, смело смотрел на кружащегося шамана, и насмешливый огонек играл в его темных глазах.

Вдруг шаман, остановив свои завывания, приказал вести жертву.

Все вышли из юрты к коновязи, где стояла чубарая лошадь Сутын-Кая.

На востоке загорелось утро, и Чубарый красивыми черными глазами своими косился на росистые луга...

При виде лошади Санаш, 18-ми-летний сын Сутын-Кая, завыл и сказал Пустелянге:

— Не надо колоть!... Эй, не надо!...

Но шаман не слушал юношу, он продолжал читать мистику, обещая Ак-Иаику кровавую жертву.

Санаш бросился к старикам и заплакал громче:

— Эй, не надо колоть Чубарку!... Это мой последний конь.... на чем я буду ездить по горам?... Эй, не надо колоть!...

Но старики тоже сурово молились и не слышали просьб Санаша. Зато Чет, вспыхнув весь, с злой насмешкой громко сказал Санашу:

— Если б я был твоим отцом, я не дал бы резать коня, я бы выгнал кама и лучше бы выздоровел тогда!...

Пустелянга побурел от злости и оглянулся на Чета. Но, встретив его уничтожающий взгляд, невольно опустил глаза и прошептал:

— У, — как смотрит, шайтан!... Ок-пуруй!....

Лошадь ввели на лужайку. Завязали ей тряпкой глаза и к каждой ноге привязали по веревке.

За веревки взялись алтайцы, человек по шесть за каждую, и шаман сделал знак.

Четыре веревки разом натянулись в разные стороны, ноги у коня хрустнули и вывихнулись из суставов в четыре разные стороны.

Чубарый упал на брюхо и, жалобно заржав, забился в судорогах.

Навзрыд заплакал Санаш.

Гости сняли с лошади шкуру и повесили ее над юртой на высоких шестах, а теплое мясо разрубили на части и, положив лучшие куски в сумы к седлу Пустелянги, остальные стали варить.

Был устроен целый пир. Чет хотя и принимал участие в нем, но утрюмо молчал, сверкая какими-то новыми искорками в черных глазах. Лишь изредка он подходил к плачущему Санашу и что-то тихо шептал ему в утешенье.

III

Байга

На байгу¹ к зайсангу Эрльдею, по случаю большого летнего праздника, съехались алтайцы почти из всех окрестных аилов. В главной юрте собралась вся знать дючины — волости. Тут был и старый Айнтай с дочерью и двумя племянниками, детьми и гордостью сестры Айнтая, старухи Бабадай. Молодые и ловкие алтайцы Боднот и Чалтуш, смелые и неразлучные на промыслах и на игрищах — ярко выделялись среди других. Приехал из дальнего аила с реки Чуи кривоногий богатырь Балышток, никем еще не побежденный в борьбе; с Кеньги приехал молодой Сапыр с сестрой, красавицей Саатан, предметом тайных воздыханий и кривоногого Балыштока, и восемнадцатилетнего сына Сутын-Кая Санаша, и многих других молодых алтайцев. Тут же был богатый Канакуэн с сыновьями: старшим Сапышем и младшим, недавно женившимся Санабаем, который приехал со своей женой верхом на одном коне и играл с ней и другими сверстниками в камешки недалеко от аила, на лужайке.

Гостей собралось человек двести.

Каждый привез с собой палатку, много пуштат — белого сыра из молока, тюрека — сыра из простокваши, прокопченного дымом, и араки — молочной водки.

Около аила Эрльдея вырос город из палаток. Гости целый день ели пуштат и пили араку, разговаривая о старине и новостях. Молодые алтайцы, приехавшие на байгу с тем, чтобы показать ловкость и резвость своих коней, гарцевали на них поодаль на равнине. Они то бросались во весь опор в гору, то, сдерживая, горяча и становя коней на дыбы, — неслись обратно. Алтайнки не отставали от мужчин, пили араку, кричали, пели и лихо скакали на конях.

¹ Байга — скачки на лошадях.

Чет привел с собою на байгу доморощенного стройного молодого жеребенка. Знатоки-алтайцы, осмотрев жеребенка, сразу сказали, что именно этот молодой конек будет победителем байги.

Тутанхэ не захотела на этот раз бежать на своем иноходце и пересела на рослого и резвого отцовского Воронка.

Момент начала байги был торжественным и напряженным. Все высыпали на луг и возбужденно кричали, спорили, горячили коней, смеялись.

В первой группе должны были состязаться кривоногий Балышток на красивой стройной кобыле, старший сын Канакуэна Сапыш на гнедом коне и оба племянника Айнтая — Боднот и Чалтуш — на одинаковых соловых меринах. К ним присоединились еще пятеро алтайцев.

У сына Сутын-Кая Санаша не было коня. Последнего Чубарого зарезали, когда камлали на выздоровление отцу, и молодой алтаец не мог принять участие в байге. При виде гарцевавшего перед красавицей Саатан Балыштока, Санаш ревниво косился на лучших коней и прятался за других, когда от горькой досады у него навертывались слезы.

Но вот бегуны выстроились в линию, всадники,ждавшись сигнала, гикнули и понеслись по широкой и красочной долине Урусула.

Толпа гостей с жадным любопытством смотрела, как резвые лошади, разостлавшись по земле, летели быстрее вихря с пригнувшимися к самой шее наездниками.

— О, яхши, яхши! — раздавались возгласы удивления и удовольствия.

Во второй группе поскакали Чет, Тутанхэ, Сапыр с Кенъги и сын Эрльдея Утонат на самой лучшей лошади, какие были в многочисленных табунах его отца.

В этой группе была лучшая знать и с ней никто больше не осмелился состязаться, потому что лошади у всадников были на редкость хороши. Игрений Чета и голубой Утоната прыгали, как серны, едва сдерживаемые сильной рукой всадников. Могучий Воронко Тутанхэ, как вкопанный, смирно стоял на точно вылитых из стали ногах. Он нервно вздрагивал лишь тогда, когда Тутанхэ звонким голосом про-

износила какое-нибудь слово.

Бурый же конь Сапыра все время вставал на дыбы и рвался вперед.

Наконец Эрльдей махнул рукой, и всадники понеслись. Сначала все четыре лошади шли голова в голову, но уже через несколько минут стало ясно, что обгонит Чет. Его лошадь заметно стала брать вперед и когда, доскакав до «меты», Чет повернул обратно, то увидел позади себя лишь Тутанхэ. Остальные наездники, отстав, вернулись обратно.

Когда Тутанхэ подъехала к Чету и они двинулись шагом обратно, он укоризненно спросил ее:

— Поиграла с алтайцем, Тутанхэ? Зачем обманула? Зачем, гордая, не хочешь идти ко мне в юрту? Почему отказалась бежать со мной?

Тутанхэ грустно сказала:

— Отец говорит, что не отдаст меня за тебя ни за что. Он говорит, что ты не веришь в богов и не почитаешь камов и зайсанга Эрльдея. Боги тебя скоро убьют, и никогда ты не будешь богатым. Отец хочет, чтобы я вышла за Утоната. Он говорит, что Утонат будет зайсангом после отца...

— Зайсангом? — воскликнул Чет, и глаза его вспыхнули гневом. — Гордый старый Айнтай хочет иметь зятем зайсанга! А чем зайсанг лучше простого алтайца? Разве у него две головы? Ведь Айнтай знает, что Утонат злой и хитрый, а не умный. Он бьет своих пастухов, голодом их держит — все деньги копит. Ведь твой отец знает, что у Утоната есть уже жена, и ты будешь второй, младшей. Из Эрльдеевых родичей нет добрых — все хотят только, чтобы одним им было лучше, и тебе будет тяжело жить в Эрльдеевом аиле! Зачем же Айнтай отдает тебя Утонату?

Тутанхэ тяжело вздохнула.

— Чет, зачем ты не чтишь зайсанга и камов, — гордишься? — сказала она. — Не будь этого — отец любил бы тебя. Он и сейчас часто говорит, что ты умный, но...

— Почитать камов и зайсангов! — перебил ее Чет. — За то, что они разорили всех лучших алтайцев! За то, что они всегда клонят на сторону русских чиновников! Нет, я не хочу почитать Эрльдея — он продал Алтай за зайсангство рус-

ским. Я не хочу почитать Пустелянгу — он лжет!.. Они все готовы грызться за богатство, как собаки за кость. А чтобы обмануть дураков, низко кланяются друг другу!..

Чет сердито засмеялся и, горячася все более и более, продолжал:

— Айнтай хочет, чтобы ты пошла к тому, кого ему надо, а не к тому, кого ты хочешь. Ведь так? Айнтай тоже любит почет и отдает за него свою дочь. Богатые и знатные на Алтае всегда получают поклоны, подарки и много лучших девок в жены, а кто не богат, тому ничего нет, хотя бы он был умным. И девки не бегут к ним. Девки боятся работы и хотят жирно есть и сладко пить. И ты такая же!.. Да я теперь сам не хочу, чтобы ты была моя жена! Не хочешь бежать — не надо, и ласк твоих я не хочу, потому что я не хочу красть их у толстого дурака Утоната.

— Ой, Чет, зачем так говоришь?.. Послушай, Чет!..

Но Чет, ударив Игреного, понесся от нее, как на крыльях, к аилу Эрльдея.

Тутанхэ упала на гриву коня и заплакала.

Победителем первой группы оказался Балышток. Сияя довольством, гарцевал он перед улыбающейся Саатан, а юноша Санаш вдруг быстро пошел от аила в чащу лиственниц, к бурной реке.

Чет заметил это, и ему стало жаль молодого алтайца. Он быстро сел на Буланку, схватил под уздцы Игреного и бросился за Санашем.

— Эй, Санаш!..

Тот остановился.

— Я понял, — сказал Чет участливо, — что ты любишь Саатан.

— Ой, Чет! Я беден, и Сапыр не отдаст мне Саатан, зачем тогда жить? Вот теперь Балышток приехал, он хочет ее взять, а — как же я? Мне и украсть ее нельзя — коня нет!..

— А ты спрашивал ее, пойдет она к тебе?

— Она говорит: пойду, потому что не любит Балыштока, а за него ей велит идти брат...

— Это правда?

— Пусть два равных серых сокола сядут на мои плечи и терзают грудь! — воскликнул Санаш.

Чет хитро улыбнулся, обнял Санаша и сказал ему:

— На, возьми себе моего Игреньку, только сегодня же укради Саатан! Слышишь?..

— Ой, Чет! — радостно воскликнул Санаш. — Ты как отец! Но ведь Игрений — лучший конь на Алтае. Как я возьму его у тебя? Отдай лучше Буланого и будь мне братом.

— Нет, Буланный мой старый друг! Он вырос со мной вместе. Он понимает каждое мое слово — зачем же мне отдавать друга? У меня нет больше друзей, Санаш... Садись же на Игреньку!..

— Чет, ты мне теперь лучше брата!.. — вскричал Санаш.

Чет грустно улыбнулся и сказал:

— Ну ладно, мальчик, будем братьями! Бери коня и укради себе Саатан. На нем вас никто не догонит. Он как ветер... А я... один буду... с Буланным буду...

Обрадованный Санаш не заметил прозвучавшей в голосе Чет-Челпана горькой обиды.

А в аиле снаряжалась третья группа байги.

Саатан, Балышток и еще трое алтайцев становились в ряд. Когда подъехали Чет и Санаш и все узнали, что Чет подарил Игреного, за которого Эрльдей только что предлагал Чету целый табун лошадей, — весь аил был поражен.

— Как? Лучшего коня на всем Алтае мальчишке отдал? Ой, ой! да это дурак только может сделать!..

Санаш встал рядом с Саатан.

Балышток, чуя, что с Игреним бегать опасно, отказался от байги.

Байга понеслась.

У Саатан была отличная лошадь. Сразу стало ясно, что Игрений и лошадь Саатан только и будут состязаться. Остальные наездники скоро вернулись, а Санаш и Саатан исчезли в голубой дали.

Гости Эрльдея, все еще не могшие прийти в себя от поступка Чета, обступили его и говорили:

— Взял бы у Эрльдея табун за Игреного и дал бы двух коней Санашу!..

— И себе бы осталось!.. Экий ты чудак!

— Эй, Чет, отчего не хотел так сделать?..

Эрльдей и Утонат злобно косились на насмешливо улыбавшегося Чета, а Канакуэн с удивлением шептал Айнтаю:

— Гордый, своенравный парень!.. Ишь, даже дружбой с зайсангом пренебрег!.. Приятелем не захотел быть самому Эрльдею!

И странно, что Айнтай вдруг проникся уважением к Чету.

— Сильный человек! — сказал он громко. — Себя только знает! Мало таких на Алтае. Вот что!

Тутанхэ, стоявшая невдалеке, влюбленным взглядом смотрела на Чета, а потом подошла к нему и шепнула:

— Эй, укради меня, Чет, я поеду с тобой куда хочешь!.. Не мешкай же!

Чет вздрогнул и тихо ответил:

— Завтра... вечером...

Прошло с полчаса.

Гости зайсанга забыли про ускакавших Санаша и Саатан, но Балышток спросил Сапыра:

— Эй, Сапыр, когда же я увезу Саатан?

Сапыр хватился, вспомнил о сестре и поскакал с Балыштком ей навстречу.

Но молодая пара все еще не возвращалась.

Поняв, что Санаш украл девуку, Балышток и Сапыр обозлились и набросились на Чета.

— Это ты подговорил Санаша!.. Для того и коня ему отдал!

Но Чет, посмеиваясь, сказал Сапыру:

— Эй, не горячись, парень! Балышток уже имеет одну жену и не даст тебе калыма столько, сколько даст Санаш! Хочешь полтабуна коней? Санаш Игреньку променяет на табун Эрльдею и половину даст тебе в калым за Саатан. Хочешь?..

Сапыр смутился и обмяк...

— Думай скорее! Санаш — сын мудрого Сутын-Кая! Это не простой сыргалык!..

Сапыр согласился. Он знал про любовь Саатан к Санашу, а заманчивые обещания Чета окончательно решили дело. Балышток же еще долго кричал, грозя Чет-Челпану... Но когда гости снова занялись едой и аракой, смеясь над ловкой кражей Саатан, он не захотел быть посмешищем и вдруг заявил, что и не думал сватать эту девку. Гости сделали вид, что поверили Балыштку, хотя некоторые еще подтрунивали над ним:

— Такой большой и прозевал такую маленькую!..

Но вскоре в аил приехал один из пастухов и впопыхах воскликнул:

— Умер Сутын-Кай!

Все смолкли, как бы не доверяя известию. Чет громко рассмеялся и сказал:

— А Пустелянга все-таки Чубарку слопал!..

IV

Отступник

Сутын-Кая похоронили.

Вбили четыре кола в землю, набросали на них помост из сучьев и хвои, а на помост положили тело Сутын-Кая, одетого в лучшую меховую одежду и шапку.

Таков обычай.

— Сарыч и коршун съедят тело, а дух уйдет в чертоги Ульгения!

На поминки собралось много народа.

Был и Сапыр с Кеньги, приехавший мириться с Санашем, похитившим его сестру, был и Канакуэн с братом, пожилым и приземистым Тунгаем, был Айнтай с Тутанхэ, был и Чет.

Настроение присутствующих, почитавших покойного Сутун-Кая, было печально.

Хмуро сидели старики в юрте, вспоминая умные речи Сутын-Кая на сходках зайсангов и на родовых судах.

Жена Сутын-Кая с окаменелым лицом сидела на хозяйском месте и принимала дружеские соболезнования, а дочь, 14-ти-летняя Кудачи, плакала в углу юрты, спрятав лицо.

Утешать Кудачи стал Сапыр. Он подсел к девушке и что-то шептал ей на ухо. Должно быть, красивый алтаец говорил что-то интересное, потому что Кудачи скоро сквозь слезы стала улыбаться, а через несколько минут они оба незаметно исчезли из юрты. Чет заметил это и, улыбнувшись, шепнул Тутанхэ:

— Еще свадьба налаживается!

Молодежь слушала былины Айнтая.

Вдохновенный старец пел:

«Давно когда-то протекала в темной долине гордого Алтая глубокая река Таныш-Су. Она рвала с сердитым ревом каменные скалы и, как тигр, прыжками падала с высоких круч.

На берегу потока жил Хан-Караты-Гой.

Аил его стоял у подножья снежных гор.

Семьей лепились юрты подданных Караты-Гоя, а кругом на много-много верст паслись табуны баранов.

Могуч был Хан и славили его певцы. И веселился Хан.

— Где есть так много быстрых лошадей, как у меня, Караты-Хан-Гоя? Кто силен? Пусть выйдет силой помериться со мною! Пусть выйдет.. Жду!

И вдруг, как птица, прилетела дурная весть:

— Идут на Хана полчища далекие, чужие! Прими, Караты, прошенных гостей... Идет сам Бий-Керем!

Тут все заволновалось, — как море Алтын-Кол¹, поднялись люди! Все начали готовить стрелы и острые мечи, и точно лес заколыхались копья, звенят кольчуги, щиты на солнце блещут яркой медью.

Вот полчища сошлись.

Суровые князья решили битву кончить поединком.

И только наступило утро, сошлись они.

Зловеще хмурилось небо. Хребты клубились пасмурной дымкой. Тряслась земля. Гудели камни. Речные волны к небу долетали.

Но почему так ужаснулось всё?

То духи: Шайтан и Эрлик, злой совет держали — кому победу дать? Решили:

— Пусть Хан умрет!..

Сошлись враги. Их кони вороные выступали гордо. Вздымалась пыль из под копыт могучих.

И битва началась.

Раздался лязг мечей. Ломались копья о щиты, как щепы. Подобно грому, клики раздавались. Тряслась земля. Звенели камни, а река еще грозней ревела между скал.

Эрлик злой, питая ненависть к Ульгеню, который покровительствовал Хану, справлялся у подвластных духов:

— Кто сильнее? Как битва? Жив ли Хан?..

И злобно выл, услышав, что Хан сильнее, что Бий изнемогает и скоро будет побежден.

¹ Золотое озеро, ныне Телецкое.

Уж день сменился ночью, ночь — золотистым утром, и вечер вновь настал — князья дрались. Они изнемогали от ран тяжелых, от жары полдневной, но бились грозно, и никто не уступал победы.

А злые духи мешали Хану биться с Бий-Керемом. То камень под ногу подбросят, то яму выкопают сзади, то стрелу на сторону сдуют, то щит погнут, сломают меч.

Но Хан справлялся вновь и храбро наступал с победным кликом:

— Держись!.. Держись!..

Ульгень ушел на небо, а злой Эрлик спустил борцов глубоко в подземелье, но и во мгле жилища Шайтана-бога кипел бой витязей могучих.

Тут духи не стерпели и, разделившись на два стана, на добрых за Караты и злых за Бия, в бой кинулись за каждого из ханов.

Вот Бий-Керем упал уж на колено, и стон сорвался с уст его надменных, но злой Эрлик, узнав об этом, вдруг к борцам явился, захохотал и острый меч вонзил в грудь хана Гоя.

Печально вскрикнул Хан и рухнул на каменья, как лев, сраженный копьями людскими, и потряслась земля от скорби, и затихла. Крик Хана услышала его жена Катынсу. В отчаянии заломила руки и с громким воплем кинулась с кручи.

Сердито ухнула река. Вскипели голубые волны и, взявши тело, ринулись под землю с трупом Хана.

Реки не стало, и с тех пор лишь ветер буйный по скалам бродит, да царь-орел с вершины с зловещим клекотом задумчиво слетает».

Былина эта о славной смерти любимого богатыря произвела на Чета особенно сильное впечатление. Несправедливость богов и торжество злого Эрлика над добрым Ульгением возмутили его и, когда Айнтай кончил петь, Чет, точно пьяный, вскочил на ноги и иступленно крикнул:

— Неправда это!..

Все с испугом и недоумением оглянулись на него.

А он страстно говорил:

— Да, я, Чет Челпан, говорю: не было и не будет никогда никакого злого Эрлика! Нет никаких богов, кроме доброго Бога. И этот Бог — не Ульгень, который ничего не может сделать с Эрликом, который слабее этого злого бога!.. Наши камы требуют богу жертв, как и русские камы берут за все деньги!.. Они носят золотые одежды, а народ ходит в рубище и делается злым, как собака... Мы тоже делаемся злыми, потому что наши боги не хотят помочь нам. Мы даем последнюю лошадь Эрлику, а он убивает алтайца, у которого семье нечего есть завтра. Почему Эрлик помогает злым, а Ульгень забыл о добрых? Кто скажет, что Сутын-Кай худой человек был, а Ульгень дал Эрлику убить его? Почему так несправедливо? Почему у кама Пустелянги много коней, баранов и овец, а он взял Чубарого у Сутын-Кая? Почему, я спрашиваю, а?..

— Стой! — закричал кам Пустелянга. — Не говори ничего, богохульник! Заветы отцов не блюдем, и гибнет Алтай! Вот что!

Услышав громкий спор, насторожились старики. Они слышали последние слова Пустелянги и повторили их как эхо:

— Гибнет Алтай! Вот что!..

— Гибнет! Верно это! — повторили другие, не понимая, в чем дело.

А Пустелянга гремел:

— Я говорю: опился Чет-алтаец араки и говорит худое! Как нет богов?.. Кто дает нам жизнь?.. Изменник он вере отцов!.. Смерть ему!..

В один миг вокруг Чета угрожающе сомкнулась толпа.

Дикое возбуждение вдруг передалось впечатлительным алтайцам. Руки потянулись к ножам.

Но Чет спокойно стоял среди толпы, опершись на коновязь. Только черные глаза его горели огнем презрения и внутренней силы.

Тутанхэ с восторгом смотрела на него.

Он опять заговорил:

— Эй, алтайцы! Я, Чет Челпан, говорю: нет Эрлика, нет Ак-Иаика и других наших богов! Кто скажет, что видел их?

Камы врут! Им денег и мяса надо. Есть добрый бог — он придет, он настанет...

— А ты видел его? — крикнул Айнтай.

— Нет, я не видел его, но он будет! — вдохновенно воскликнул Чет. — Он придет и все хорошо будет! Не надо будет бежать алтайцам за горы. Травы и стад много будет. Ему не надо камов и жертв. Он сам будет знать, кому что нужно, и даст. Он прикажет сжечь всех старых богов на костре и бубны тоже, — и шаманов тоже!..

Айнтай не выдержал этой последней угрозы и бешено крикнул:

— Врешь ты! Не сожжешь!..

— Сожгу! — твердо ответил Чет.

— Нет, ты не сожжешь! Ты умрешь раньше!..

И старик, выхватив нож, бросился на Чета.

Но Тутанхэ схватила отца сзади и, вырвав у него нож, бросила в сторону.

— Эй, отец, за смелое слово не тронь алтайца! — зазвенел ее голос. — Ты сам говорил: «За смелое слово коня отдам!» Не заступайся за богов — они сами могут за себя заступиться! Они убивают больных и слабых, пусть убьют и его, молодого и сильного! А ты не тронь!..

— Да, правда, — послышалось вдруг из толпы. Это говорил брат Канакуэна Тунгай. — Чет правду говорит — тяжело жить. Не помогают нам боги и камы! Верно говорит девка — не нам заступаться за богов, они сами должны постоять за себя.

Спокойная речь пожилого и уважаемого алтайца произвела успокаивающее действие.

Из толпы послышалось:

— Чет правду говорит — тяжело нам!

— Куда пойдем?.. Что боги дали?..

— Конечно, правда! Чет всегда хорошо говорит!..

А толпа уже смотрела на Чета изумленно и выжидательно, как будто узнала в нем сильного и боялась его...

Айнтай оправился и сказал Тутанхэ:

— Ну ладно, девка! Пусть будет по-твоему! Твой старый отец много жил, много видел людей, а такого шайтана, как

Чет, не видал еще!

И обратившись к возбужденному Чету, сказал:

— Умен ты, парень, но худой твой ум! Покарают тебя боги! Помянешь ты меня, старика. Убьет тебя Эрлик!

И старик, пятясь, ушел в юрту.

— Убьет Эрлик! — страстно крикнул кам Пустелянга, сидевший уже на коне и, гикнув, понесся вскачь от аила.

Разошлась и толпа, трусливо сторонясь Чета.

— Эрлик убьет его!.. — перешептывались некоторые алтайцы... — Теперь убьет — кам сказал!

А Чет по-прежнему стоял у коновязи и насмешливыми глазами смотрел вслед уходящим.

Около него осталась одна Тутанхэ.

— Чет? — позвала она нежно.

— Что, Тутанхэ? Ты еще не уходишь от меня! Беги, а то Эрлик убьет и тебя! Ишь, каркают все!..

— Нет, Чет, не гони меня, я еду с тобой... к тебе!..

Алтаец вдруг порывисто обнял девушку, засмеялся и, страстно целуя ее, крикнул:

— Ко мне? Едем!..

Когда старый Айнтай, наговорившись с гостями о богохульстве и дерзости Чета, позвал Туханхэ, чтобы ехать домой, она была уже далеко, вместе с Чет-Челпаном.

Соперник

Изба Кирилла Устюгова стояла почти на краю села, широко раскинувшегося по красивой долине горной реки. Маленький, почерневший от времени домик с крышей, как на амбаре, ничем не выделялся от окружающих его домиков других «кержаков»¹, хотя Кирилл считался зажиточным и, говорили, имел много денег.

Кирилл — молодой мужик, лет 35, с грубым лицом, коренастый и сильный, был женат на женщине старше его летами, некрасивой и тощей.

Своей наружностью он напоминал алтайца. Это сходство его с туземными жителями, склонность к уединению, к верховой езде и охоте — возбуждали разные толки на его счет. Говорили, что мать его, красивая, но бедная кержачка, вышедшая замуж за такого же бедняка, долго не имела детей, и рождение Кирилла ставили в связь со временем, когда мужу ее пришлось повести какое-то дело с богатым алтайцем Мама и последний стал часто бывать у Устюгова. Говорили, что Марфа была главной приманкой алтайца Мама, и много денег его перешло в карман Зотей Устюгова, который, по странному стечению обстоятельств, всегда находился на покосе, когда у него был Мама. Некоторые, впрочем, шли в своих рассказах дальше. Они уверяли, что однажды Мама не воротился в аил, что тело его было найдено закопанным под сосной у деревни, а Зотей вскоре после этого нашел клад и стал торговать «пантами»².

Кирилл после отца также занимался торговлей «пантами». Он скупал их у промышленников, алтайцев и русских,

¹ Так зовут русских старообрядцев, бежавших на Алтай с реки Керженца, притока Волги.

² Панты — маральи рога, стоящие в Китае 15-20 руб. фунт.

и отправлял «за границу» в Монголию, где выгодно перепродавал.

По делам торговли Кирилле приходилось часто ездить к алтайцам в айлы. Однажды он в айле Канакуэна встретил старого Айнтая с Тутанхэ. С тех пор Кирилл не мог забыть девушку. Он зачастил в аил к Канакуэну и однажды, встретив там Айнтая, поехал с ним в его аил. Здесь, выпив араки, он без лишних слов попросил Айнтая отдать ему Тутанхэ в жены. Кирилл обещал выстроить аил, бросить жену и поселиться с Тутанхэ по-алтайски.

— Хорошо жить будем! Тебя возьмем к себе. Пей, Айнтай, целый день араку!

— Нет, Кирилл, — говорил Айнтай, — твой Бог один, мой — другой. Нельзя смешивать веры, как нельзя смешать масло с водой. Попробуй смешать — не смешаешь.

— И веру брошу, — настаивал Кирилл, — Ульгеню молиться буду. Отдай Тутанхэ — жить без нее не могу!

— Попробуй коня в маральник¹ пустить — не привыкнут маралы, и конь будет скучать — пропадет! Так и мы. Ты — русский, мы — алтайцы. Тебе будет худо, и Тутанхэ — худо.

Но Кирилл настаивал.

— Мой отец алтаец! Слышал, что про меня говорят? Это правда!

— Если верно, что говорят — совсем худо! Не дам Тутанхэ. Худой человек твоя мать. Я помню Мама — он был хороший человек — зачем убили? За деньги? Допивай араку и ступай домой. Не надо больше, не езди ко мне.

Увидев, что дело приняло совсем неожиданный и крутой поворот, Кирилл озверел:

— Старый дьявол! Убью и брошу, как падаль! Возьму Тутанхэ и буду держать, как собаку!..

И Кирилл бросился на старика. Но вбежали Чолтуш и Боднот, два племянника Айнтая, скрутили Кирилла, посадили на лошадь и настегали ее плетью.

¹ Маральник — большой сад для маралов, огороженный высокой изгородью.

Кирилл, бурый от злости, в бессильной ярости потрясал кулаком.

— Постойте, язви вас, я вам покажу!..

Айнтай с племянниками стоял у юрты и весело хохотал над улепетывающим Кириллой, смеялись и другие родичи и домочадцы Айнтая, только старуха Бабадай, сестра Айнтая, уныло качала головой:

— Ой, Айнтай, напрасно насмеялись над Кириллой! Злой человек. Не будет хорошо!..

Но Айнтай весело крикнул:

— Эрльдей просит у меня Тутанхэ за Утоната. Вот уйдет девка к зайсангу — не достать ее Кирилле — врет!

Но вскоре Кирилл узнал, что Тутанхэ ушла к Чет-Челпану... Ярости его не было границ.

Он бил ни в чем не повинную жену, детей, пил водку, дрался с кем попало и даже назло староверам стал курить табак, и часто после буйства седлал лошадь и уезжал в горы.

Никто не знал, куда он ездил.

А Кирилл пробирался к айлу Чет-Челпана, подползал к юрте и смотрел. Скрежетал от злости и ревности зубами, когда видел Тутанхэ с Четом весело разговаривающими, и измышлял план, как овладеть Тутанхэ.

Однажды Тутанхэ была одна. Чет куда-то уехал. Кирилл пробрался к юрте и, убедившись, что в ней кроме Тутанхэ никого нет, вошел.

Тутанхэ сидела и шила. Когда вошел Кирилл, она вздрогнула, но тотчас оправилась и приветливо указала место подле огня.

— Садись!..

Кирилл молча сел и уставился на Тутанхэ. Помолчали. Тутанхэ старалась быть спокойной и шила, а Кирилл утрюмо сопел и курил трубку.

Наконец Тутанхэ, как гостеприимной хозяйке, сделалось неловко:

— Что молчишь? Что слышно? Рассказывай!

— Пойдем жить ко мне! Вот что!..

— У тебя есть баба, а русским нельзя иметь две бабы! Нам тоже нельзя иметь больше одного мужа, а у меня есть один.

— Я брошу жену — ты брось Чета!

— Нет, я Чета не брошу, он умный, хороший человек.

— А я богат. У меня много лошадей, скота, много денег и дом, у твоего Чета один-два коня, нет денег и плохая юрта. Кто ж из нас умнее?

— Ты худо нажил. Твой отец и мать, говорят, убили человека...

Кирилл вдруг кинулся к ней и повалил на ковер.

Тутанхэ отчаянно защищалась, визжала, кусалась и извивалась в сильных руках мужика, стараясь в то же время вынуть из ножен нож.

Кирилл угадал ее намерение и, схватив за руки, придавил к земле.

Женщина задыхалась.

Кирилл был силен. Еще одно мгновение и насилие было бы совершено.

Но внезапно послышался топот приближающейся лошади и в ту же минуту сильный удар кулаком в голову оглушил Кирилла. Позади его стоял с расширенными ноздрями Чет-Челпан. Кирилл бросился на него с ножом в руках.

Тутанхэ предупредила его. Она, как волчица, бросилась к Кириллу, и ее маленький нож по рукоятку ушел в испуганного мужика.

— Вот тебе за меня, а вот за Чета!..

Тутанхэ хотела повторить удар, но Чет схватил ее за руку.

— Он — гость наш! — сказал Чет, задыхаясь от сдерживаемой ярости.

Тутанхэ вложила кровавый нож в ножны и, вся обмякнув, бледная, бессильно опустилась на пол.

В это время вбежала мать Чета, и они вдвоем склонились над лежащим Кириллом.

Тот глухо стонал.

Из раны его широкой лентой струилась кровь.

Старуха принесла какой-то травы, нажевала ее и, приложив к ране, обвязала опояской Кирилла.

— Здоров будет!

Потом они помогли Кириллу встать.

Тот поднялся бледный, шатаясь, и, не смотря ни на кого, двинулся к выходу.

Чет и старуха поддерживали его под руки.

Тутанхэ подвела лошадь.

Кирилла кое-как посадили в седло. Тутанхэ вскочила на своего белого иноходца, взяла повод лошади Кирилла и повела ее. Чет ехал рядом на Буланом, поддерживая раненого.

Кирилл качался в седле и припадал к шее лошади.

Недалеко от села его сдали на телегу проезжих русских.

VI

Бурхан идет

Необычно потекла жизнь Тутанхэ и Чета.

Бросив дерзкий вызов богам, Чет понимал, что нельзя уже воротиться к ним, и в то же время чувствовал невозможность бороться одному с вековыми обычаями массы. Между тем, на него были устремлены теперь глаза всех родных и знакомых. При встрече его особенно настойчиво спрашивали:

— Как поживаешь? Ни табышь?

Он отмалчивался и старался не глядеть в глаза встречаемым.

К сознанию бессилия, неумения что-либо сделать у Чета примешивалась тайная боязнь богов, так как и Айнтай, и кам Пустелянга, и другие старики грозили ему:

— Худо будет, парень, — Эрлик думает, как отомстить тебе за гордость!

— Худо будет!..

Чет хмуро огрызался, как загнанный волк, а мысль упорно работала, ища выхода из этого положения. Алтаец нервничал и был близок к помешательству, ожидая чего-то необычайного.

Иногда Чет много говорил. Он вспоминал различные эпизоды, рисующие бессилие Эрлика и равнодушие доброго бога Ульгения к горю Алтай-кижи¹, но больше молчал, ни с кем не говорил даже об обычных домашних вещах. Ездил одиноко по горам, забирался в леса, ложился под дерево и все думал.

Чистое бирюзовое небо широким шатром раскидывалось над ним. Вокруг, величественно-прекрасные, расстилались ландшафты родного Алтая, но Чет не видел их. Иногда молодой алтаец следил глазами за полетом халзана-

¹ Алтай-кижи — алтайский человек, алтаец.

беркута, сорвавшегося с соседней вершины, и мысленно сравнивал себя с ним, смелым и сильным.

Или на берегу шумящего горного потока проводил целые ночи у разложенного костра.

Буланный мирно щипал траву около него, а Чет, опустившись на хвою, смотрел, как в темном небе гасли красивые змейки искр от костра.

И невольно вдумчивый алтаец сравнивал эти золотые искры с жизнью Алтай-кижи, — людей Алтая. Как искры рождаются они, летят по чьей-то воле, как искры по воле ветра — и гаснут незамеченные и забытые, чтобы дать место новым искрам.

И страстно хотел алтаец, чтобы не так плохо жилось его братьям Алтай-кижи, чтобы исчезло зло и насилие на Алтае и вместо него явилось что-то вечное, неумирающее.

Тутанхэ понимала состояние Чета.

Нервность мужа и ожидание чего-то нового, необыкновенного и страшного передались и ее восприимчивой организации и перешли чуть не в ясновидение.

Видя утрюмые страдания любимого человека, она также страстно желала чуда, и мало-помалу это чувство перешло в уверенность. Чудо должно совершиться!

Большей частью Чет и Тутанхэ ездили по горам вместе, стараясь забраться в самую глушь, и там Чет возбужденно говорил ей, как следовало бы устроить жизнь людей. Тутанхэ старалась не проронить ни одного слова.

Однажды Тутанхэ ехала по долине ключа, ища отбившихся от стада баранов. По обыкновению, Тутанхэ ехала тихо и напевала героическую балладу про одного из любимых богатырей алтайцев:

— Тогда мрачный ехал Караты-Хан.

Сурово сдвинул он брови

И промеж них глубоко легла борозда.

Сзади него на быстрых конях дружина неслась

Вся в железе и стрелы в колчанах остры —

Караты-Хан ехал за местию.

Строптивый Бий-Керем с островерхой горы сделал набег

И отбил у него, Караты, косяк лошадей.
Молодая любимая Катын-Су плакала, провожая,
Говорила: «Не езд, ах! — пошли верного раба за себя».
Не внял Караты-Хан, и вот — едет!
Худой сон приснился Катын-Су:
Будто главная юрта в аиле рухнула.
И взволновались горы, заплакало синее небо.
С печальным рыданием проснулась Катын-Су
И говорила: «Умрет он — я знаю!»
И верно — сделалось так: погиб он!
Предательский лук натянулся и змея-стрела понеслась в
грудь,
И вспыхнули гневом очи в последний раз.
Склонилась голова к гриве коня.
Губы шепнули: «Катын-Су» и смолкли навсегда...
Так умер суровый Хан,
Много побед совершивший!

Темнело в долине. Вдалеке слышались стоны варнавки и мелодичное курлыкание журавлей. Горы сдвинулись и в небе заискрились звезды, а с запада быстро надвигалась грозовая туча, время от времени там вспыхивала молния, сердито рокотал гром.

Тутанхэ погнала иноходца, стараясь скрыться от грозы, но внезапно поднялся вихрь, туча покрыла небосвод и разразилась сильная гроза.

Казалось, что рушатся горы. Темное небо беспрестанно рассекалось молнией, и гром то гремел раскатами вверх, то забирался в ущелья и глухо и грозно рокотал там, точно в подземелье.

Тутанхэ в ужасе погоняла иноходца, как вдруг синяя молния озарила полнеба, и ударил страшный гром. Конь остановился, взвился на дыбы и упал на колени.

Тутанхэ вскинула глаза и увидела перед собой величественного всадника в белых одеждах на роскошно убранном белом, огромном коне.

Женщина невольно вздрогнула и едва слышно прошептала...

— Езень!

Но всадник расслышал ее приветствие, несмотря на бурю и гром.

— Яхши! — спокойно и звучно ответил он.

И от этого слова стало легко и небоязно Тутанхэ. Она даже забыла про гром и слышала лишь слова белого всадника.

— Слушай, женщина! — продолжал между тем чудесный незнакомец, — скажи дома, что видела меня, Ой-Рота¹, друга бога Белого Бурхана! Скажи всем, что идет Бурхан и с ним идет счастье, любовь и добро!...

Снова сверкнула молния и загредел гром, прервав речь величественного всадника, но снова прозвучали слова:

— Я — Ой-Рот, друг Белого Бурхана! Я говорю: скоро наступит царство света и мира. Во знамение правды своих слов — смотри — я прогоню грозу!...

Он сделал властный, спокойный жест. Мгновенно темное небо очистилось, и ярко загорелись на нем звезды.

Пораженная Тутанхэ опустила глаза к земле, и таинственный всадник исчез.

Все это произошло в один миг, но Тутанхэ ясно помнила малейшую подробность встречи с Ой-Ротом. Она запомнила черты его лица, прекрасного и величественного, и даже убранство коня, а слова Ой-Рота, спокойные и полные неземной силы, еще звучали в ее ушах, наполняя сердце радостью и восторгом.

Молодая алтаянка повернула иноходца и полетела назад, рыдая от счастья.

— Пришел добрый бог! Пришел!... Как хорошо — пришел!...

Рассказ Тутанхэ радостно испугал Чета, но не удивил его.

— Так должно было быть.

Ему вспомнились былины и предания о боге Ульгене, добром и справедливом внуке Чингиз-Хана, который избрался в этих былинах также на белом коне.

¹ Ой-Рот некогда был добрым царем алтайцев и душа его после смерти ушла на небо.

Наконец явился новый добрый бог на землю и алтайцам будет опять хорошо жить — так же хорошо, как прежде, когда старый добрый Ой-Рот еще пребывал меж людей на земле и крепко стоял за них.

У алтайцев будет скот, будет много пастбищ для кочеванья, ибо русских Ой-Рот прогонит далеко на север.

Эрлик с сонмом злых духов провалится сквозь землю и не будет болезней на людях и падежа скота.

Яхши, яхши!... Чудо совершилось: Белый Бурхан идет!

Но рассказывать о чуде сородичам Чет не хотел, пока сам не увидит Ой-Рота. Он боялся подвергнуть себя насмешкам со стороны враждебной партии приверженцев Пустелянги и Айнтая, так как на Алтае женщин даже не принято выслушивать, не только верить им. Сам же Чет в чуде не сомневался, он был твердо уверен, что Ой-Рот не может ограничиться явлением одной лишь Тутанхэ-женщине.

И Чет целые дни стал проводить одиноко в горах, зная, что ему каждый миг может явиться товарищ Белого Бурхана — Ой-Рот.

И эта уверенность не обманула его.

Через несколько дней после происшедшего Чет, утомленный неотступными мыслями, задремал под огромной лиственницей недалеко от своей юрты. Внезапно таинственная сила подняла его на воздух и, когда он открыл глаза, то был на вершине горы Херем, в нескольких верстах от юрты. Чет, пораженный, вскочил на ноги и увидел перед собой величавого старика в белых одеждах, от лица которого исходило такое сияние, что Чет не мог вынести его, как свет солнца, и покорно закрыл глаза.

Чудесный старик коснулся его лба, Чет открыл глаза и увидел, что вся вершина Херема покрыла людьми, простершимися ниц перед жертвенником из камней, на котором горел арчил, ароматный вереск. У жертвенника седой старик брызгал на огонь молоко из кувшина и воздевал руки вверх, как бы призывая благословение на молящихся.

И Чет услышал его голос:

«Вы, Сущие за белыми облаками,

За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы, —
Белый Бурхан!
Ты, Дух Алтая, —
Белый Бурхан!
Ты, поселивший в себе, в золоте и серебре,
Народ, Белый Алтай!
Ты, который светишь днем —
Солнце-Бурхан!
Ты, который светишь ночью —
Месяц Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур!»

И увидел Чет, как разорвалось небо и оттуда на жертвенник и на старца брызнул сноп ярких лучей. Чет опять радостно закрыл глаза.

Когда же через мгновение он открыл их — на вершине горы не было жертвенника и молящихся, а перед ним стоял величавый всадник в белых, как снег, одеждах, на белом коне и говорил:

— Я — Ой-Рот, говорю тебе: ты слышал, как надо молиться? Молись так же! Бурхан — бог мира и добра. Сила и милость его являются в свете солнца и луны, в огне, в тепле и в плодородии земли...

Я — Ой-Рот, друг Белого Бурхана! Я говорю тебе: молись так же и сожги своих идолов! Сожги!

Чет простерся ниц перед Ой-Ротом и поцеловал копыто его лошади, но, когда поднялся, чудесный всадник исчез, а Чета опять подхватило, точно вихрем, и он очутился под лиственницей у своего аила.

Пораженный и обрадованный явлением Ой-Рота, бросился Чет в аил и рассказал о своем видении всем родным и соседям.

Тутанхэ тотчас собрала все имеющиеся у них изображения прежних богов и Чет смело сжег их на огне очага.

Окружавшие его алтайцы в ужасе попадали на землю и ждали, что дерзкого богохульника не будет в живых. При-

дет молниеносный черный Эрлик и в миг сожжет Чета живым. Но, к величайшему их изумлению, ничего не произошло, и Чет с Тутанхэ вдохновенно рассказывали подробности встреч своих с Ой-Ротом.

Некоторые алтайцы усомнились было в их словах, но Чет и Тутанхэ страстно поклялись:

— Пусть два равных серых сокола сядут на мои плечи и растерзают грудь мою!...

Первая проповедь новой веры на Алтае произвела глубокое впечатление.

Несколько сородичей Чета тотчас принесли своих идолов и с тайным ужасом сожгли их.

Эрлик не отомстил и на этот раз.

Наоборот, солнце, долго и беспрерывно скрывавшееся в тучах, выглянуло, небо очистилось и долина Карлыка ожила, засмеялась и расцвела после долгого ненастья.

В этом увидели знак доброго Бурхана.

С криком радости несколько алтайцев вскочили на лошадей и помчались по айлам рассказать великую новость:

— Новый бог пришел — пришел Белый Бурхан...

VII

Гибель богов

Прошло около двух недель после великого события в аиле Чета.

Седые алтайские горы с удивлением смотрели на необычайное оживление алтайцев.

Весть о чуде, передаваемая из уст в уста, росла, приукрашивалась, получала новые оттенки и кружила головы.

К Чету со всех сторон стекались алтайцы.

Всем хотелось видеть Чета и выслушать от него рассказ о чудесном видении и о сожжении идолов.

Люди прибывали издалека целыми десятками и располагались лагерем у доселе многим неизвестного аила Чета.

И Чет рассказывал сотни раз в день о явлении на землю Ой-Рота.

Наконец, когда собралось несколько сот человек, Чет всенародно и спокойно сжег собранные им бубны и маньяки камов.

Это зрелище произвело огромное впечатление на толпу.

Главные священные орудия камов — бубен и маньяк — сгорели у всех на глазах, и старые боги не могли защитить их, — оказались бессильны против Белого Бурхана и его пророка Чета.

Шаман Пустелянга безутешно рыдал, уткнув бороду в землю.

Никто, никогда, ни при каких радостях и несчастьях, не видел, чтобы у Пустелянги появлялась хоть одна слеза. И вот он плачет!

«Ай, ай, как силен Бог, когда он хочет добра людям!» — говорили Алтай-кижи.

Алтайцы боязливо жались от недавно грозного, а теперь жалкого, рыдающего кама.

Потрясен был и старый Айнтай.

Вначале он вместе с Пустелянгой страстно ждал, что старые боги жестоко отомстят за поругание своих жрецов. Не-

сколько минут спустя после того, как вспыхнула последняя ниточка маньяка, старик грозил, стараясь перекрыть радостный гул голосов уверовавших алтайцев, что немедленно явится Хан-Эрлик во всей своей красе, в громе и блеске молнии, с огненными глазами, длинными, развевающимися по ветру, черными волосами и бородой, в ярко-красной одежде, на черной лошади, с длинным копьём в руке, и поразит богоотступника Чета.

Но этого не свершилось.

И старик, схватив себя за волосы, рухнул на землю рядом с Пустелянгой и тоже плакал навзрыд.

А солнце с бирюзового неба ярко лило свои лучи. Долина ликовала, точно радуясь новому счастью людей.

И все указывали на Чета, называли его пророком великого бога Белого Бурхана.

Окруженный народом, Чет взойшел на вершину горы Херем для совершения моления по новой вере, как ему было показано в видении Ой-Ротом.

И вершина хмурой горы, украшенная зелеными березками, закурилась дымом арчила, струившимся к небу.

Ножи, неразрывный спутник каждого алтайца, для доказательства чистоты сердца молящихся, были собраны вместе и зарыты в землю.

Жертв не было. На костер из вереска Чет брызгал молочно из поданного Тутанхэ кувшина и призывал:

— Юч-Курбустан-Бурхан!...

И тысячная толпа простерлась ниц.

По окончании молитвы Чет подвели роскошно убранную лошадь богатого зайсанга Аграмая.

Вдруг, когда Чет хотел сесть на коня, к нему подошел Айнтай и взял стремя:

— Дай помочь тебе, Чет!

Другое стремя держал зайсанг Эрльдей.

При виде такой чести, оказанной Чету самыми уважаемыми людьми на всем Алтае, воздух огласился торжественными криками сотен голосов.

И Четь, окруженный пешей толпой, медленно и важно поехал в свой аил.

Так совершилось первое моление на вершине Херем —
отныне святыне Алтайских бурханистов.

VIII

Донос

По глухой тропе через вершину Отты-Суташ, в черном пихтовом лесу, ехали два всадника: Кирилл и его приятель-сотский, угрюмый мужик Поликарп.

Приятели торопились на заимку, где у Кирилла жил сват, прасол, занимающийся скупкой пушнины у алтайцев, спаивая их и обсчитывая.

Хитрый Кирилл, поклявшийся отомстить Тутанхэ, Чету и Айнтаю, уговорил Поликарпа ехать к свату покупать пушнину, и дордогой всячески старался склонить богатея-сотского на свою сторону.

Чего и как Кирилл хотел добиться при помощи Поликарпа, он и сам еще хорошенько не «обмозговал», но в голове у него уже составлялся план похищения Тутанхэ, и потому он заранее хотел заручиться дружбой полицейской власти, играющей огромную роль в таких углах, как Алтай. Кирилл лебезил перед Поликарпом донельзя: держал стремя, когда Поликарп садился на лошадь, помогал слезать с нее и всю дорогу пел похвалы сотскому как человеку и как исполнителю трудной должности.

Угрюмый сотский потел от удовольствия, кряхтел и звал Кирилла другом.

При перевале через «белки», приятели встретились с кучкой алтайцев, возвращавшихся с моленья. Это были Канакуэн с сыном Сапышем, Тунгай, Санаш с женой Саатан и Сапыр со своей женой Кудачи — все друзья Чета и его последователи.

Санаш пел новую на Алтае песню, сложенную недавно Айнтаем:

Когда царь наш, Ой-Рот, придет,
Русского народа не станет —
В Алтае, с синими цветами,
Должны жить только мы одни!

Кирилл, услышав и поняв слова песни, вдруг заерзал на седле, говоря:

— Ишь, собака, что поет! Ах, немаканный!

Поликарп сказал, прислушиваясь:

— Не разберу что-то!

— Да как же, он поет: всех русских перережем, да одни жить на Алтае будем, как вольные цветки!

Поликарп мигнул Кириллу, они съехали с дороги в кусты и остановились там.

А алтайцы, не подозревая, что их подслушивают, приближались, беспечно слушая певца.

Санаш продолжал:

— Рубящий дом о четырех углах,
Топор остер —
Сорок народов угнетающий
Сердит русский народ!

Из шести луков будем стрелять —
Русского народа не станет!
Десять луков натянется —
Русский народ убежит!

— Ишь, черти поганые, а?... — сказал Поликарп, стоя с Кириллом в пихтаче. — Ах, собаки!...

— Надо тебе за них взяться!... — сказал Кирилл. — Ишь ведь, што замышляют!...

Неизвестно, чего хотелось Кириллу, но он, помолчав, опять сказал:

— А доспей они резню, кто будет в ответе? Спросить с начальства, скажут: чего глядели?... С тебя спросят, Поликарп Михайлыч, как думаешь?..

Но сотский ответил:

— Сглупа это они, сами себя тешат, поют просто!

— Да ведь ты же сам слышал!...

— Ну так что ж, что слышал. Так себе... поют...

— Мне мало горя!... Я для тебя же, потому ты сам мне давеча рассказывал, отчего бунты разные бывают. Может, и эти бунт затевают. Знаешь, утеснение в земле у них, дей-

ствительно, есть... Обижают их, это верно. Вот теперь японец на Россию прет. Может, калмыки-то с японцами заодно? Может, под ихнего царя стать хотят?... Смотри, Поликарп Михалыч, дело твое, а только как бы неладное что не вышло.... Ты свою шкуру беречь должен!...

И он рассказал Поликарпу про собрания алтайцев в аиле Чета Челпана и от себя прибавил, что сам слышал, как Айнтай и Чет говорили, что следует передаться японцам.

Угрюмый сотский, подогретый раздражением Кирилла, слушал его все более внимательно, стал поддакивать ему и рассказал в свою очередь, что слышал от каких-то старух о скором пришествии антихриста и о наступлении времени, когда поднимутся «все народы на народы».

Кирилло прикинулся невинным:

— Мне что?... Мне ничего не надо. Я для тебя только, для дружбы, ну и начальство тоже обратит внимание. «Кто, — скажет, — разузнал первый? — Поликарп Михалыч, сотский! — А-а, вот он какой умный мужик. Дать ему в награду крест с лентой!...»

Поликарп как бы что-то соображал и, когда Кирилло дорисовывал ему картину, как сам исправник будет здороваться с ним «по руке», вдруг круто повернул назад и сказал:

— А ведь верно, Кирилло Зотеич, ты правду говоришь... Надо донести начальству!.. А то потом расхлебывай, ежели што...

— А може, не стоит связываться? — спросил хитрый Кирилло.

— Как не стоит? Дело не шуточное!.. Черт их знает, что у них в башке-то.

Кирилл ехидно улыбался в бороду...

IX

Темные тучи

Проповедь Чета всколыхнула вековую спячку Алтая.

Обещание пришествия Ой-Рота, как прекрасная мечта, воскресило упавший дух Алтай-кижи и особым блеском украсило новое учение.

— Добрый Белый Бурхан победил злого Эрлика!

— Идет новый Бог, Бурхан Ой-Рот!

— Не будет русских на Алтае!

— Не надо Шайтана и его изображений... Долой шаманов, их камланье и бубны...

— Юч-Курбустан-Бурхан!..

По ночам, словно улы, загудели калмыцкие айлы.

У алтайских калмыков все важное совершается ночью — днем слишком жарко. Днем алтаец вял и сонлив. Зато ночью алтайцы носятся на своих маленьких гибких лошадках по горам и долам родного Алтая.

Часто по вечерам, после зари, топот многих скачущих лошадей оглашал голубые долины Алтая.

Далеко неслись унылые, но свободные, как горные реки, старинные алтайские песни.

Алтайцы спешили на собрания.

В аил Чета, к лиловым скалам Карлыка, стекались тысячи алтайцев: послушать, как будет говорить Чет о новой вере, а потом, разъехавшись по Алтаю, рассказывать другим о словах пророка.

Чет, пророк Бурхана, был неузнаваем, точно вырос и возмужал. Точно не бывало в нем застенчивости и скромности. Голос его стал спокойным и твердым, движения плавны. Но он по-прежнему был прост и ласков в обращении и проявлял полное бескорыстие, отдавая обильно сыпавшиеся от богатеев-зайсангов подарки своим бедным родичам. Чет сразу стал пользоваться большим почетом. Самые уважаемые калмыки держали стремя, когда он садился на коня, а большего почета не знают на Алтае.

Старик Айнтай давно уже признал Чета своим зятем и теперь гордился им. Недавно страстный последователь древних заветов, старик отрекся от старых богов и со всей горячностью поэта отдался новому течению. Он даже сочинил один за одним несколько звучных гимнов Белому Бурхану, за что Алтайцы называли старика «ярлыкчи» — вещим наставником.

На Алтае пошли изменения даже в мелочах жизни.

Стали здороваться не обычным:

— Езень!

Стали говорить при встрече приветствие, произнесенное Ой-Ротом при встрече с Тутанхэ:

— Яхши!

Алтайцы твердо верили, что божественная сила Бурхана сделает так, что русские сами уйдут из гор, уступив их Алтай-кижи.

Недаром новая религия учила, в знак мирных чувств своих последователей, зарывать ножи в землю при молитве.

Как снег весной, таял шаманизм. Скоро около двух третей алтайцев стали бурханистами. Перешло в бурханизм даже много алтайцев, только что принявших христианское крещение от миссионеров.

Дивились этому русские в соседних селах.

На сходках, на вечерках, на покосах, везде, где собиралось несколько русских, слышалось:

— Что это доспелось с калмыками? Арачки даже меньше пьют, все что-то талалакают!.. Молятся!..

— Собираются вместе по несколько сот!

— Дело, ребята, неладно!.. Надо держать ухо востро.

И, как искру в порох, бросили Кирилл и угрюмый сотский Поликарп, которые однажды на сходке заявили:

— Сами слышали, что калмычишки с японцами заодно замышляют!...

Кирилле бы одному не поверили, потому что все знали неудачный роман его с Тутанхэ. Но сотский Поликарп, богатей и церковный староста, слыл за человека степенного, который слова зря не скажет.

И понесся слух о японцах. Скоро говорили уже, как достоверное:

— Калмыки-то заодно с японцами затевают, провались я на этом месте! Они, вишь, по Алтаю хотят японцев в Сибирь провести и заполонить, значит, ее.

— Говорят, новый царь придет, японский, значит, богдыхан. Айротом звать.

В другом месте говорили иное:

— Новая вера у них теперича. Бурханом они бога-то зовут, Эрлика по шапке, значит. Придет, говорят, новый бог наш, Бурхан, и попалит огнем все русские деревни.

— Врут!

— Где ихнему Бурханке супротив нашего!..

В общем, однако, все толки сводились к одному, что с калмыками творится что-то неладное.

— Быть, ребята, худу!..

— Однако, бунт-забастовку калмыки хотят изладить?..

И вдруг сорвалось у многих:

— Бить их, чертей окаянных!...

А Кирилло на свои деньги подпаивал громил и разжигал страсти, ездил по селам, подзадоривая и запугивая русских.

— Вот погодите, японцы с калмыками придут, так покажут вам кузькину мать!

Уже носились слухи, что на вершине Херема стоит 30000 калмыцко-японского войска и пушки.

Выходило так, что и раньше, через Алтай, японцы получали все сведения о передвижениях, месторасположении и о действиях русских войск на Дальнем Востоке.

Из-за Алтая, будто бы, из-за калмыков-изменников, мы терпели поражение за поражением на далекой восточной окраине.

Много ужасов «услышали» и «увидели» темные люди. Страсти разгорались все сильнее. Много дошло до сведения начальства. Оно встревожилось.

И вскоре бурханисты услышали жуткую весть:

На Алтай для умирения их были двинуты войска. Русское население всполошилось. Усилили и поставили на но-

ги всю полицию.

Вызвались и добровольцы идти «супроть врага»...

.
.
.

Одним из первых явился Кирилл с толпой пьяной и буйной «шпаны». В село Усть-Кан, находящееся неподалеку от аила Чет-Челпана, к 20 июня добровольцев собралось больше тысячи.

На продовольствие себе они отбирали и убивали скот алтайцев. Начались насилия.

А народ в Усть-Кан все прибывал, потому что как раз к этому времени там ждали архиерея, который обещал приехать для освящения новой церкви в каком-то окрестном заселке.

Над Челпаном и его последователями нависли темные тучи.

Х

Торжество

21 июня жители села Усть-Кан готовились к встрече архиерея.

В село собрались все жители из окрестных деревень и ждали с нетерпением приезда преосвященного.

Никто из собравшихся никогда еще не видал архиерея. Он представлялся им человеком, совсем не похожим на обыкновенных людей, что и доказывали убедительно торжественные приготовления к его встрече. Дом священника, и без того хороший, лучший в селе, начисто вымыли даже снаружи, убрали зеленью и цветами. Везде по улицам насадили березок, у волости, училища и у домов купцов развевались флаги, как в царские дни. Церковь приняла праздничный вид. На колокольне дежурили двое пономарей, чтобы заранее известить колокольным звоном о приезде владыки. Видя все это, канцы, в праздничных ярких одеждах, ходили группами по селу и оживленно разговаривали по поводу предстоящего торжества. На всех почти крышах и на заборах виднелся народ, напряженно всматривающийся в даль по дороге.

Часам к шести пополудни в село, верхом на взмыленных лошадях, прискакало несколько конных городских с полицейским надзирателем и несколько человек крестьян.

— Едет, едет! — кричали они еще издали.

Зазвонили колокола, и народ весь высыпал на площадь.

Вскоре показалась удобная карета, запряженная шестериком. В карете сидел преосвященный в высоком клобуке и благословлял обеими руками народ, бегущий с обеих сторон. Сзади ехал хор, чины полиции с исправником во главе, небольшой отряд стражников и становой пристав.

У церкви карета архиерея остановилась, владыко вышел из нее и медленно двинулся к паперти, продолжая благословлять народ.

Толпа валом повалила за ним, и скоро небольшая ограда канской церкви была полна народом.

В это время случилось небольшое событие.

На паперти церкви стояли несколько человек больных, калек и нищих и ожидали благословения владыки.

Когда архиерей взошел на паперть и остановился благословить собравшихся, один из нищих, дряхлый старик-калека, двинулся к нему, чтобы лучше рассмотреть владыку своими слезящимися глазами. Но слабые старческие ноги плохо служили ему, и он, покачнувшись, слегка толкнул владыку. Это увидел стоявший неподалеку становой пристав и быстрым движением оттолкнул нищего. Нищий упал. Все это произошло в несколько секунд, но архиерей заметил «усердие» станового и, укоризненно покачав головой, сделал ему мягкий выговор, а затем подошел к охающему нищему-калеке и сам помог ему подняться. В народе пронесся гул удивления и восторга; владыко же обратился к нищему со словами:

— Не убится ли ты, брат мой во Христе?

Нищий от неожиданности и испуга не мог произнести ни слова и только моргал своими красными веками. Архиерей повторил вопрос, но, видя волнение нищего, не стал настаивать на ответе, а неожиданно для всех три раза поцеловал нищего.

При виде владыки, целующего старого калеку, народ пришел в священный трепет. Сдержанный гул голосов тысячеголовой толпы перешел в глухую бурю восторга. Многие бабы плакали и причитали:

— Святитель ты наш, батюшка праведный!..

— Как о людях-то болеет, отец святой!...

Хор певчих грянул «Достойно», и владыко торжественно вошел в церковь.

Архиерейский хор казался канцам пением ангелов, архиерей святым угодником, а великолепие парчовых одежд архиерея и его духовенства, блестящие мундиры исправника и приставов с орденами и медалями действовали на толпу прямо магически.

В церкви было много «добровольцев-дружинников», вставших против алтайцев. Тут же стояли Кирилл и Поликарп. Кирилл показывал Поликарпу на ордена исправника и шептал, что скоро и у Поликарпа будут такие же. У Поликарпа кружилась голова, и он воображал себя уже в свите преосвященного, рядом с исправником.

По окончании богослужения владыко вышел на паперть, к народу, и сказал небольшую проповедь.

Архиерей слышал про движение алтайцев еще дорогой и теперь говорил, что народ православный должен откликнуться на призыв своих, Богом поставленных властей, — владыко при этом слегка поклонился в сторону исправника и приставов, — и не дать восторжествовать ослушникам, непокорным нехристям. Он пророчил православным христианам победу над врагами, «как некогда Бог даровал победу Давиду над великаном-Голиафом»...

.
.

Народ с благоговением выслушал последние слова владыки:

— Постоимте же, братия, за веру, Царя и Отечество и Господь да будет с вами! Аминь!..

Точно порыв ветра прошел по толпе, и она заволновалась, загудела, зашевелилась.

Архиерей давно уже ушел в дом священника отдыхать и откушать, а толпа и не думала расходиться. Восторг, граничивший с фанатизмом, разразился в нескончаемом «ура».

Так ли они поняли слова владыки или не так, но, разделившись на группы человек по 300, канцы озлобленно, даже хорошенько не понимая, в чем дело, ревели, грозя «нехристям». Кирилл и Поликарп суетились больше всех и кричали, что нужно тотчас же идти на алтайцев.

Толпа вокруг них все прибывала.

.
.

Забряцали затворы берданок и защелкали курки обыкновенных дробовиков. Все свирепее раздавался рев толпы.

— Идем, ребята, на Херем!

— Чего на их глядеть!

— Бить их, собак, надо!...

Зловеще загудел колокол на церкви, точно набат на пожар, и, хотя было около 11 часов ночи, толпы мужиков, вооруженных чем попало, двинулись к Херему.

— Усмирять «калмыцкий бунт»!

— Искоренять крамолу!

Так кончилось в маленькой канской церкви моление Истинному Богу любви и всепрощения.

XI

Эрлик отомстил

Спали горы.

Вдалеке, на озере, стонали кем-то потревоженные вар-навки. Печальный крик их будил горное эхо и далеко несся по долине.

На вершине Херем, по обыкновению, с вечера собрались алтайцы молиться милосердому Бурхану.

Несколько сот богомольцев стояло вокруг Чета в благоговейном молчании.

Чет призывал доброго бога:

«Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы, —
Белый Бурхан!
Ты, дух Алтая, —
Белый Бурхан!
Ты, принявший в себя
Народ, белый Алтай!
Ты, который светишь днем, —
Солнце Бурхан!
Ты, который светишь ночью, —
Месяц Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур!»

И жег ароматичный арчил на жертвеннике.

Около Чета стояла алтайская знать с зайсангом Эрльдеем во главе. Тут были все друзья Чета, его родственники и последователи.

Безмятежно плыла полная луна по темному небу.

Все было тихо.

Вдруг неистовые крики тысячи голосов потрясли ночь. На гору со всех сторон лезли русские.

Ревели:

— Бей их, собак немаканных!...

— Бей их!..

— Го-о-о!...

Растерявшихся, ничего не понимающих, алтайцев окружили.

И началось избиение.

Безоружные, алтайцы сразу же дрогнули и бросились бежать врассыпную, даже позабыв про зарытые в земле ножи.

Лишь небольшая группа, с Четом во главе, осталась на горе и отчаянно защищалась у жертвенника.

Свирепее всех боролся Айнтай.

С блестящими глазами, с развевающимися седыми волосами, грозно крича, старик хватал с жертвенника камни и бешено швырял ими в русских.

В его воодушевлении сказала вся многолетняя ненависть к пришельцам.

Но это продолжалось недолго.

Мрачный сотский Поликарп, больно ушибленный камнем старика, рассвирепел, вскинул винтовку и выстрелил.

— Вот тебе, старый черт!..

Айнтай взмахнул руками и без стопа упал на жертвенник около Чета.

Чет нагнулся, чтобы поддержать его, но на него самого навалилось десяток тел, и Чет упал.

Юноша Санаш, защищавшийся почти рядом с Четом, увидел, что Чета повалили на землю, и бросился на помощь к своему названному брату, визжа от ярости и махая кулаками направо и налево. Ловкий алтаец подоспел вовремя и нанес страшный удар в голову Кириллу, занесшему над Четом топор. Кирилл упал, но тотчас же вскочил, окровавленный и ужасный, и Санаш с разбитым черепом, едва крикнув, повалился на землю.

В этот момент трое дюжих мужиков вторачивали Чета в седло чьей-то лошади, и Кириллу нельзя было уже покончить со своим врагом.

Кирилл выл от ярости и размахивал топором направо и налево.

Но алтайский пророк был спасен от смерти.

Зато выстрел в старика Айнтая как бы послужил сигналом.

Раздались еще выстрелы, стоны и предсмертный хрип умирающих.

Но у жертвенника все еще защищалась горсть алтайцев: Канакуэн с сыном Сапышем и братом Тунгаем, племянники Айнтая — Боднот и Чолтуш, молодой алтаец Сапыр, сильный кривоногий Балышток и еще несколько алтайцев.

Невооруженные, лишь с камнями в руках, они все же сдерживали напор русских. Кривоногий богатырь Балышток был ужасен. Схватив толстый березовый ствол, служивший подпоркой навеса над жертвенником, алтаец размахивал им, как дубиной, свирепо рыча, с перекошенным от ярости лицом. Кровь воинов Чингиз-Хана заклокотала в нем, и тяжелый стяг со свистом рассекал воздух, не подпуская русских, старающихся разъединить алтайцев и перетянуть их в одиночку.

Несколько выстрелов, тяжело ранивших старика Канакуэна и теньгинского Сапыра, сразу разделили обороняющихся. Скоро и Балышток, раненый в руку, упал на землю, но под десятком насевших на него дюжих мужиков, воя от ярости, алтаец все еще сопротивлялся, извивался, как змея, и сбрасывал с себя врагов.

Раненых друзей Чета тут же связали и приторочили к седлам. Всего взяли «в плен» человек тридцать.

Сапыр и Тунгай тоже болтались в тороках.

Боднот и Чолтуш бежали.

За ними погнался Кирилл с ватагой мужиков, стреляя в них на бегу.

Остальные алтайцы, робкие пастухи, уже давно разбежались.

За ними гнались русские, дико гикая и ухая им вслед.

Скоро по долине там и сям запылали алтайские айлы, и злое зарево кровавым блеском упало на горы.

Все это произошло в несколько минут.

На вершине Херем, где только что молились сотни мирных алтайцев, осталось лишь несколько трупов.

На жертвеннике вверх лицом лежал старик Айнтай со спокойным лицом, точно спал. Около него лежал молоденький Санаш с разбитым черепом и искаженным предсмертной мукой лицом.

Все стихло на вершине горы. Только из долины доносился еще дикий рев разнузданной толпы, пьяное гоготанье и вопли привязанных к седлам пленных алтайцев.

Но скоро на тихой вершине Херем показалась фигура всадника без шапки, с развевающимися по ветру бородой и волосами.

Это был кам Пустелянга.

Облитый лунным сиянием, он остановился на опустевшей вершине Херем, огляделся вокруг и вдруг захохотал:

— О, Эрлик, ты отомстил!.. О, молодец ты, черный, могучий Эрлик.

Зарево пожаров бросало на лицо шамана красные блики, а он, глядя на трупы, приходил все более и более в иступление.

И далеко несся бешеный хохот и крик его.

— Ты победил, о Эрлик, ты отомстил!.. Ок-пуруй, Ок-пуруй!..

Лиловые скалы долины Карлыка только что подернулись вечерней дымкой.

Солнце закатилось.

Аил Чета был пустынен — все мужское население отправилось на Херем молиться.

В юрте Чета слышался тихий разговор.

Говорила Тутанхэ со своей теткой Бабадай.

Старушке-алтаянке все еще не верилось, что пала прежняя вера в злых духов, что надо молиться по-новому, и она в сотый раз расспрашивала Тутанхэ о видении Ой-Рота.

— Ты сама его видела?
— Сама.
— Какой же он? Расскажи еще раз...
— Блещет лицо его, как луна. В белой одежде он, как снег Белухи, и на белом коне сидит...
— На белом коне?..
— На белом. Зажмурилась я от света, испугалась, и хорошо мне стало, а он мне говорит...
— Что говорит?..
— Говорит: «Пусть сожжет Чет идолов шайтана. Пусть Белому Бурхану молятся калмыки».
— Белому Бурхану?..
— Да, Бурхан-бог! Он один все может сделать. Здоровья дать, стада большие дать, счастье дать... Все дать может он...
Но Тутанхэ не договорила.
Внезапно странные крики и топот лошадей послышались издалека, приближаясь к айлу.
В этих криках почудилось что-то дикое и страшное.
Тутанхэ и старуха замерли в юрте.
Крики приближались, и скоро топот лошадей раздался около юрты. В юрту вбежали Боднот и Чолтуш и бросились к пологу Чета, ища оружие.
У юрты раздался опять топот лошадей, и в дверь ворвался взлохмаченный, без шапки Кирилл с винтовкой в окровавленных руках, остервенело крича:
— Н-ну, баба!.. Теперь ты моя!.. Не хочешь?..
За Кириллом вломилось еще несколько мужиков.
Тутанхэ вскочила и схватилась за нож.
В это время из-за полога выбежали Боднот и Чолтуш с длинными ножами в руках, бросились на Кирилла, но раздался один за другим два выстрела, и братья, как подкошенные, повалились на пол юрты.
Тутанхэ остолбенела.
Кирилл одним прыжком кинулся к ней, выбил из ее рук кинжал, и через минуту Тутанхэ, второченная в седло, с Кириллом впереди, как труп, болталась на коне, несшемся вскачь по долине.
Длинные волосы алтаянки развевались по воздуху.

А в опустелой и разграбленной юрте Чет-Челпана старуха Бабадай выла на трупах своих сыновей Боднота и Чолтуша.

XII

Чет-Челпан

Прошло два года. Седые алтайские горы вновь увидели Чет-Челпана. Признанный, после восемнадцатимесячного заключения в тюрьме, совершенно невинным ни в одном из взводимых на него преступлений, он был отпущен на свободу. Только теперь Чет по родным горам ходил пешком, а не ездил на своем Буланом в сопровождении Тутанхэ. Буланого угнали русские, а Тутанхэ не стало...

Кирилло недолго владел ею. Когда он привез ее, привязанную к седлу, домой, его уже ждали там полицейские власти, немедленно отобрали алтаянку и отправили ее вслед за Четом в тюрьму. Просидев несколько месяцев в тюрьме, она не вынесла неволи и захворала тяжелой болезнью, — врачи нашли у нее чахотку и общее потрясение нервной системы и отправили на Алтай, где она через два месяца умерла на руках старой Бабадай.

Эти два месяца Тутанхэ все время грустила о прошлом, вспоминала отца и ждала Чета из тюрьмы. Перед смертью, в забытье, она то страстно обнимала Чета, то разговаривала с отцом, то отталкивала Кирилла. Затем тихо умерла, точно уснула...

Красавица Саатан после смерти Санаша избрала себе Сапыша, сына смертельно раненого на вершине Херем и умершего «в плену» Канакуэна.

Супруги Санабай и Сырга подрастают.

Сапыр и Балышток, по выздоровлении от ран, вместе с другими схваченными на Хереме алтайцами были отпущены на Алтай еще раньше Тутанхэ.

Скоро после смерти Тутанхэ в одном из глубоких ущелий Алтая нашли трупы Кирилла и Поликарпа, разбитые до неузнаваемости. Все решили, что Кирилл и Поликарп, последнее время сильно враждовавшие между собой, встретились на охоте, подрались и упали оба в пропасть. Но среди алтайцев долго носились слухи, что это старуха Бабадай

подкараулила их в горах и столкнула в пропасть, мстя за смерть сыновей и брата.

Теперь старуха Бабадай живет в одинокой Четовой юрте, построенной на развалинах прежнего аила в лиловой долине Карлыка, вблизи горы Херем.

Чет не проповедует более новой веры. Напуганные алтайцы боятся теперь собираться вместе. Они по-своему поняли тюремное заключение Чета и избиение алтайцев, и обвинили Чета в этом избиении. Чет сохранил уважение только у оставшихся в живых своих друзей из семейства Камакуэна и Тунгая, а также Сапыра и Балыштока, которые, хотя были разорены сами, но все же помогли Чету справиться юртой и скотом. Чет чаще всех бывает в юрте у Сапыша, долго сидит молча и так же молча уходит в горы. Сапыш и Саатан понимают его состояние и не надоедают разговорами.

Во время скитаний по горам Чет подолгу смотрит на те места, где недавно еще ездил с Тутанхэ, и в выразительных глазах алтайца светится тихая грусть.

Но созданный им бурханизм на Алтае крепнет.

Алтайцы поют в честь Белого Бурхана гимны, последние гимны, сочиненные вдохновенными поэтами Айнтаем и Тутанхэ:

«Беленький цветочек возвышенного места
Из-за любви к Алтаю раскрывается.
Четырехлетний ребенок, признавая Бурхана, молится ему.
Беленький цветочек северного места
Из-за любви к Алтаю раскрывается.
Шестилетний ребенок, признавая Бурхана, молится ему.
Будем садиться на чубарую лошадь
И, беседуя, возвращаться в Алтай!
Березовый сок есть наше питье,
А калган есть наше подобие!
Остров Тохой есть наш Алтай;
Дорогой Алтай, золотой Алтай!
Вершина Катунь ущелистая —
Колдан-царь теперь сам идет.
Вершина Иртыша кругообразная —

Старый царь сам придет!
Сорок две пуговицы можешь ли застегнуть враз?
Тарбан-Ой-Рот закон можешь ли содержать в совершенстве?
Шестьдесят две пуговицы сможешь ли застегнуть враз?
Белого Бурхана веру сможешь ли содержать в совершенстве?

Белый Бурхан победил.
Кам Пустелянга ходит помешанный...

Приложения

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЕРЕВОРОТ НА АЛТАЕ

Как известно, в 1904 г. в религиозном мировоззрении алтайцев-калмыков произошла огромная перемена. Шаманизм, исповедуемый алтайцами в продолжении многих столетий, неожиданно сменился новой верой, верой в единого Белого Бурхана.

В настоящее время бурханизм окреп настолько, что насчитывает в рядах своих последователей ²/3 всех алтайцев. Несмотря на некоторую пассивность в характере алтайцев, религиозный перелом у них совершился чрезвычайно бурно, чуть ли не стихийно, в течение всего одного-двух месяцев.

Откуда же явилась новая вера и почему события следовали таким ускоренным темпом?

Чтобы ответить на этот вопрос, бросим беглый взгляд на особенности старой веры, на некоторые стороны быта алтай-кижи* и на факты, так или иначе сыгравшие роль в религиозном переломе.

Старая вера — шаманизм была крайне примитивна. В основе ее лежит олицетворение сил природы. Соответственно полезным для человека и вредным влияниям природы, алтаец делил своих богов на добрых и злых. Представление как о второстепенных, так и о главных богах тождественно с представлением о живых личностях.

Главных богов два: во-первых, Ульгень или Бай Ульгень (Богатый Ульгень), по преданию, — сын Улюпа и внук Чингиз-хана. Он когда-то царствовал над алтайским народом и был мудрым, справедливым и добрым царем и всегда ездил на белом коне. Это добрый Бог. Другой бог, бог зла — Эрлик, иначе Дэмогу, в противоположность Ульгению, живущему на небе, живет «в темном месте», «под землей». Вся сила, все изощрения великого ума, хитрости, все по-

* Алтай-кижи — букв, алтайский человек, алтаец.

мыслы Эрлика и бесчисленного множества его мелких при-
спешников обращены на одно — вредить человеку.

Ульгень — бог, Кудой (нарицательное) и Эрлик — сатана, вот две главные фигуры Алтайского Олимпа, между которыми идет вечная, неустанная борьба. Кроме этих главных богов, все горы и скалы, ущелья и вершины, пещеры, леса и долины полны бесчисленным множеством мелких духов (корьмесь) и огромное большинство из них — все прислужники злого Эрлика.

Весьма понятно, что при таком обилии злых духов людям необходимо было изыскать меры к избежанию их козней. Необходимо было прибегнуть к посредникам в столкновениях богов с людьми. Такими посредниками оказались шаманы, или камы. Так как добрые боги, конечно, не должны были делать зла людям и без великих молитв и умилоствлений, то сущность шаманизма выразилась в умилоствлении лишь злых богов. Создался как бы культ злых богов. А где — умилоствление, там должны быть и жертвы, и в продолжение многих веков алтай-кижи исповедовали очень разорительную религию, так как никакое моление не могло состояться без кровавой жертвы. По ритуалу шаманизма, камлание Утта-Емегену (черт-баба) должно было сопровождаться закланием овцы, Эрлику приносили в жертву черного быка, Кедргелю (помощнику Эрлика) закалывали лошадь. Кроме того, необходимо было достойно отблагодарить кама, т. к. он мог обидеться и «напустить» всех злых духов на скупого алтайца. Камам дарили скот, вещи и деньги. И в общем, обильные жертвы богам и подарки жрецам их вконец подрывали и без того тощее благосостояние инородцев.

К этому прибавилось еще «утеснение» алтайцев от русских, захвативших частью законным, а частью незаконным путем, посредством сделок с зайсангами и писарями инородческих управ, лучшие стойбища алтайцев. Хотя правительством и было произведено землеустройство русских на Алтае, с запрещением дальнейшего переселения на Алтай и захватывания инородческих земель, но эти запрещения остались на бумаге, а толпы русских, наголодавшихся зем-

леробов, продолжали населять тучные долины Алтая, огораживая лучшие земли поскотинами и отодвигая алтайца-скотопромышленника в горы и голые скалы.

Утеснение от русских приняло наконец такие размеры, что в сознании алтайцев появилась даже мысль о бегстве с Алтая. Эта мысль выразилась в следующей песне:

«Возьмем, товарищ, шестисуставную дудку, заиграем.
Вечерняя заря взойдет,
Давай, товарищ, убежим».

Одновременно с этим росла ненависть алтайцев к русским, также выразившаяся в песне:

«Рубящий дом о четырех углах, топор острер,
Сорок племен угнетающий — сердитый русский народ.
Из шести луков будем стрелять — русского народа не будет.
Десять луков натянется — русского народа не станет».

Однако, алтайцам скоро стало некуда отодвигаться от русских и они были вынуждены вступить за свои права. Начались распри и ссоры и даже драки за землю, началась и судебная волокита. Темные алтайцы, дети природы, обирались различными проходимцами, ходатаями по делам их. Начальство отделялось обещаниями, которые никогда не исполнялись. Миссионеры способствовали утеснению, ставя кресты у стойбища крещеных алтайцев и запрещая некрещеным селиться и кочевать ближе пяти верст от креста. Положение создалось трагическое. Надо было искать выход. И в песне алтайцев слышатся уже ноты пробуждающего самосознания:

«Губернскому чиновнику что нужно? —
В серебряных вожжах конь нужен.
Несчастному Алтаю что нужно? —
С сильным разумом сын нужен».

В долине Карлыка (приток р. Чарыша с правой его стороны) или, вернее, на одном из его притоков, жил простой и небогатый калмык Чет Челпан. Человек, быть может, более других нервный и умный. Чет ранее других изверился в камах, желал и ждал перемены.

Этот-то человек и дал в 1904 г. толчок религиозному перелому и сделался центром дальнейших событий.

Летом 1904 г. двенадцатилетняя воспитанница Чета Челпана, Чегул, рассказала ему, что видела на горе всадника на белой лошади и в белой одежде. Всадник, будто бы, сказал ей, что не следует почитать злых богов и верить камам, что изображения этих богов и бубны камов следует немедленно сжечь, а камов прогнать. Что молиться следует добрым богам и что добрый бог — Ай-Рот — идет уже.

Чет не поверил рассказу своей воспитанницы, но через несколько дней он, якобы, сам встретил этого чудесного всадника, который подтвердил ему рассказ девочки и велел молиться так:

— Ай (луна) Бурхан. Кюнь (солнце) Бурхан. От (огонь) Бурхан, Яих Бурхан, Юч-Курбустан-Бурхан (три божества — Бурхан).

Смысл этой молитвы заключается в том, что калмык должен призывать доброго бога, Бурхана, который проявляет свою силу и в свете солнца и луны, и в плодородии земли, и в огне и т. д. Доброго бога следует только призывать, не делая никаких просьб. Призыв доброго бога уже обозначает, что в нем нуждаются и он сам, зная, что именно нужно молящимся, дает и здоровье и благополучие, дает все земные блага.

После этого видения Чет вернулся в свой аил и вместе с девочкой сжег изображения корьмесь и главных злых богов. Действительно, много надо было мужества и новой веры робкому и религиозному алтайцу, чтобы решиться на подобный поступок со своими вчерашними кумирами, одно название которых наводило на него священный ужас.

И боги не покарали Чета.

Обо всем этом Чет рассказал соседям. Весть о чуде в несколько дней разнеслась по всему Алтаю. Чет Челпан сразу

Чет Челпан

сделался центром всеобщего внимания, пророком-апостолом новой веры.

В бедный и незначительный доселе аил Чета стало съезжаться много алтайцев.

Приходившие в долину пилигримы молились уже по-новому, призывая богов новыми словами.

Эти мирные собрания привлекли на себя внимание русских крестьян, которые заподозрили что-то «неладное», что-то из ряда вон выходящее, стали приставать с подробными расспросами и порядочно надоедать калмыкам, мешая их религиозным занятиям, но калмыки все-таки кое-как отвечали, что их старая вера худа, а новая хороша, что идет новый царь (бог) Айрот.

Об этом пришествии нового царя вольными полицейскими, не в меру усердными, было доложено по начальству «кому следует», конечно, с прикрасами и фантастическими добавлениями, дающими возможность сблизить эти алтайские события с нашими неудачами на Дальнем Востоке.

Семя упало на благоприятную почву. Сыск со стороны крестьян был поощрен и вскоре мирное, чисто религиозное движение послужило поводом к междоусобице на экономической почве.

Мысль о пришествии Айрота, истолкованная русскими в смысле политическом, осложнила события. Калмыки увидели в расспросах русских беспокойство, а в беспокойстве — подтверждение их чаяния о пришествии Айрота, о новой эре, об уходе русских с Алтая и сами стали пугать этим пришествием русских. Калмыки стали толпами ездить мимо русских и кричать: «Вот идет уже Айрот и русских скоро в Алтае не останется ни одного...»

Это «воинственное» настроение стало известным администрации. Были тотчас приняты «соответствующие» меры: в Омске приказано было держать наготове к походу роту солдат, а «на местах», «для изловления зачинщиков», была мобилизована сельская полиция, ряды которой пополнялись добровольцами из крестьян.

После архиерейского служения в селе Усть-Кан, эти русские соли «выступили в поход» против мятежников тремя отрядами. Так как среди русских были алтайцы крещеные и староверы-шаманисты, не отличавшиеся наружно от «бунтовщиков», то каждому «воину» было приказано нашить на рукав красный «шарф» из кумача.

Молящиеся калмыки были окружены. Чет Челпан арестован. Его поклонники были «поучены», причем был один смертный случай, и многие ограблены.

Далее — 18-месячное заключение Челпана. Суд над алтайским пророком в Бийске. Признание его сумасшедшим — вот официальное окончание истории

В действительности она продолжается.

Хотя русские и продолжают сочинять легенды о политической миссии Челпана и он уже не признается пророком по натуре лояльными калмыками, хотя и сам Чет считает, что его судили за отрицание старой веры и боится открыто проповедовать новую, но толчок был дан.

Перелом совершился. Чудо пришло. Новая религия расцвела.

Челпан, выйдя из тюрьмы, по его словам, не узнал своего народа. У каждой юрты и по возвышенным местам в честь Бурхана развешаются теперь разноцветные ленточки. Дым вереска и молоко заменяют кривляние шаманов и кровь закалываемых и разрываемых животных. Народ распевает новые песни. Вместо камов, молитвы сочиняет и учит проносить «ярлыкча» (вестник).

Вот несколько вдохновенных гимнов, сочиненных алтайцами в честь новой веры. Гимны эти, подчас трогательно-наивные, распеваются ярлыкчами и почти вытеснили зазывания шаманов.

«Вершина Иртыша кругообразная.

Айрот-царь сам идет,

Вершина Катуня ущелистая,

Бурхан- бог сам идет.

Сорок три пуговицы можешь ли застегнуть враз?

Торбан-Айрота закон можешь ли держать в совершенстве?

Шестьдесят три пуговицы сможешь ли застегнуть враз?
Веру в великого Бурхана можешь ли познать в
совершенстве?»

«Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами,
Три Курбуста!на!
Ты, носящий четыре косы, Белый Вурхан!
Ты, дух Алтая, Белый Бурхзн!..
Ты, поселивший в себе в золоте и серебре народ, белый
Алтай!

Ты, который светишь днем, солнце Бурхан!
Ты, который светишь ночью, месяц Бурхан!
Да напишется мой зов в книге Садур!»

Беленький цветочек северного места
Из-за любви к Алтаю раскрывается.
Четырехлетний ребенок, утром, раскрывая глазки,
Молится великому Бурхану.

Года два тому назад мне пришлось проехать по Горному Алтаю. Путь мой лежал в Уймонский край и, таким образом, мимоездом я побывал в окрестностях села Усть-Кан на р. Чарыш, в долине Карлыка, притока с правой стороны р. Чарыш, и в других местах, интересных тем, что в этом районе выросла и окрепла новая религия на Алтае.

Конечно, повидал я и Чета-Челпана.

К сожалению, Чег отчаянно плохо говорит по-русски. С виду он буквально ничем не отличался от обыкновенных

грязных и неряшливых калмыков. На лице его нельзя прочесть ни о выдающемся уме, ни о духовной силе. Очевидно только, что он более нервен, чем другие. В своем учении, если этим словом можно назвать его рассказ о белом всаднике и об объявленной этим последним религии, Чет сам не сознает, по-видимому, никакой философии.

Вот подлинный рассказ Чета о перемене религии, записанный мной через посредство переводчика.

«Старая вера — камы были. Мы верили шайтану. Полную юрту весили изображений разных богов и молились им. Но в это время у меня жила девица-калмычка Сорок, по имени Чегул. Она жила у меня. Она поехала за овечками. Ей встретился человек в белом одеянии на белой лошади. Он сказал ей, чтобы мы изображения (богов) все сожгли и велел молиться солнцу и луне. Я не поверил ей. Я подумал, не сделалось ли с ней чего-нибудь. Но мне и самому пришлось увидеть этого человека. Я был в это время в Тулайте* и оттуда поехал домой. На самой седловине (горы) встретился с ним (всадником). И сказал он мне: “Я сначала говорил твоей девке, может быть, ты ей не поверил, теперь тебе говорю то же самое: надо жечь чертей и оставить камов, и перестать колоть коней; надо оставить старую веру и рассказать об этом всему Алтаю, чтобы все жгли”. Он сказал еще, чтобы все молились солнцу и луне: “Ай (луна) Бурхан, Кюн (солнце) Бурхан, От (огонь) Бурхан, Юч Курбустан Бурхан (три божества)”. Этим мы просим о хорошей жизни.

Приехал я домой и сказал Чегул, что она правду говорила, что я сам видел этого человека, а потом сжег все изображения (богов). Потом начал молиться по-новому. Есть в горах дерево арчил (вереск), я клал его в огонь и молился. Этот арчил раньше клали в огонь.

Когда девочка увидела белого человека, ей было 12 лет. Сам я родился на Ябагане (приток р. Чарыша) по ключу Шиверте и там прожил до женитьбы. Когда женился, мне

* Приток реки Чарыша.

*Н. Рерих. Ойрот, вестник Белого Бурхана.
Серия «Знамена Востока» (1925)*

было 16 лет и я переехал в Терем (приток Карлыка) за 10 верст от места родины. Теперь мне 39 лет. Жена у меня калмычъа, детей не было и нет. Девочка Чегул — приемыш, одной дючины*. Когда ее взял я, ей было 11 лет. Родитель ее Сорок — калмык. Он жил в Тулайте. Он умер 16 лет тому назад и девочка осталась при матери 3-х лет. Сорок никуда не ездил. От Сорока я ничего не слыхал о вере. Мать девочки и сейчас в Тулайте. Чегул теперь вышла замуж за Буйбуя и живут они в Тулайте. Никого из заграничных людей я не видел.

После видения через три месяца стали приезжать в Терем алтайцы. Оказалось, что все уже знают про белого человека. Стали вместе молиться. Уставили березки, развели огонь, клали в него арчил, доили кобыл и молоко брызгали на березки и на огонь. К березкам привязывали ленточки. Березки, и арчил и ленточки взяты от старой веры, когда молились доброму богу. Так молились у моей юрты и ездили на гору недалеко от юрты и молились там. Кроме этой молитвы, никаких других не было. Повторяли эти слова раза три и более. Эти слова говорят или громко, или шепотом, или в уме и в это время думают о здоровье за весь Алтай. Во время молитвы не едим, а до этого и после — едим. Молились стоя. Старые камы на моление были и молились. Все сожгли изображения, потому что все мне поверили, что я видел белого человека.

Отмолившись, гуляли, арачку** пили. Ничего для Алтая не думали. Ножи в землю не зарывали, когда молились, это напрасно говорили, что мы зарывали ножи. Впрочем, может быть, кто и делал так.

Слово Бурхан значит Бог. Он живет на небе. На кого он похож — не знаю. Его зовут Ах (белый). Он добрый. Не знаю, наказывает ли он когда или нет.

Лучше стали жить, когда по новой вере зажили. (Чем лучше — Чет объяснить не мог.) Прошло около месяца — все ездили ко мне молиться. Приехали вдруг русские, нас

* Волость.

** Водка из молока.

Г. Чорос-Гуркин. Белый Бурхан (Ак-Бурхан).
5 января 1919.

разогнали, некоторых поймали и отправили в Бийск и меня тоже поймали. Бил меня какой-то чиновник с саблей. В тюрьме сидел 16 месяцев. Потом суд был. На суде и до суда все спрашивали то же, что и вы.

Защищал Соколов (присяжный поверенный) и другие, много их было. Они в мою пользу говорили: «Ничего такого не сделал, может быть, он сумасшедший был, когда веру начинал». А я сумасшедшим не был, а был, как сейчас. Нас взяли в тюрьму человек 40, оставили, кроме меня, только 5, Чегул скоро выпустили. Кроме меня, сидели Кийтык, два брата Мадая, Чап-Як, Анчебай, все богатые, кроме Чап-Яка. Не знаю, почему именно этих взяли — все молились одинаково.

На суде обвиняли меня за моления по-новому, т. е. за то, что мы бросили старую веру. Протокол был, что мы будто бы про японцев поминали. Это неверно. Здесь я про японцев не слышал и не знал, а только когда сидел в тюрьме — узнал. На молениях перебивало тысячи 2-3 народу; может быть, кто-нибудь и придумал, а я не говорил и сам не знал.

Неправда, что камов принуждали к новой вере. Они переходили добровольно и сейчас живут по новой вере. Говорят, что взяли нас за то, что богатых силой будто приводили. Это неверно, потому что почти все сами были богатые. Ввали русские, ввали и калмыки, кто что хотел с перепугу.

Когда из тюрьмы выпустили, я приехал домой, а юрты моей в Тереме нет — только степь одна стоит на своем месте. Ничего у меня не стало. Жена и Чегул приехали вскоре после ареста, но и тогда уже ничего не было. Они поселились у моего отца в Шиверте. До ареста у меня было 4 мерина, 40 коров с быками, 60 овец, теперь все исчезло. Мне единовверцы помогли, юрту справили, три коровы дали, овец немного.

Когда я вернулся на родину, ко мне не стали ездить калмыки. Я теперь один молюсь. Много переменялось на Алтае. Стали здороваться словом «яхши» (хорошо), а раньше «езень» и «ни табышь» говорили (здравствуй, что нового). Калмыков теперь учат ярлыкчи (вестники, наставники). Они сочиняют молитвы. Я теперь ничего не могу им сказать,

кроме того, что вам рассказал. Я не знаю, откуда ярлыкчи явились. Для молений теперь строят особые строения, модельни.

Никто не помогал мне распространять новую веру. Как огонь, охватило Алтай, что я видел такого человека, который велел верить по-новому. По новой вере лучше: лошадей не колем, каму не платим. Мы считаем, что Бог на небе, а солнце и луна лучше чертей.

Бурхан сотворил землю. Солнце и луну мы считаем вместе с богом, хотя, может быть, Бурхан сотворил и солнце и луну. Кто сотворил людей — не знаю, может быть, Бурхан. По старой вере никаких запретов для поведения не было и теперь тоже нет. Как было заведено издревле, так и сейчас. Убивать грех по новой и старой вере. Мы считаем, что Бог один у всех людей и не думаем, что надо избивать тех, кто не верит по-нашему».

АХЪЯМКА

Не шелохнутся широкие лапы столетних елей и пихт, похожих на остроконечные колокольни и минареты.

Вершины кедров точно застыли.

Играет бриллиантами зимнее солнце в куржаке на ветвях берез и арках ольх и щедро льет холодные лучи на девственно чистый, снежный покров лесных полей.

Морозит.

Тихо.

Поскрипывают лишь легкие лыжи где-то у подножья лесных гигантов.

То идет на охоту охотник, ясачный черневой татарин* Ахъямка.

Идет и гнусаво тянет себе под нос:

— Уй-я-а, уй-я, гора какой долгой, лес кругом далеко пошел... Уй-я-а...

Поднимается на безлесные хребты, окидывает равнодушным взглядом широко раскинувшиеся, залитые солнцем таежные горы и подернутые голубой дымкой дали, потом поправляет путы лыж и, сообразив направление, катится на своих быстрых «камасных» лыжах с кручи.

Гибкий «каек» взрывает снег. В ушах свистит ветер, а навстречу бежит бор — сплошная темная заросль вековых гигантов и поглощает Ахъямку огромной черной пастью.

* * *

Ахъямка весел.

После долгих ухаживаний и неудачных попыток ему удалось сегодня утром поймать Лущку в охапку, прижать

* «Черневыми татарами» именовали тубаларов, один из коренных народов северного Алтая, иногда телеутов или ойратов. «Ясачными» назывались представители народов Сибири и севера России, платившие ясак (натуральный налог) пушниной или деньгами (*Прим. сост.*).

ее к себе и поцеловать.

Лушка — девка лет тридцати, приехавшая недавно встряпки к управляющему прииском, — была толстая, некрасивая и рябая. Но она как-то сразу победила двадцатилетнее Ахъямкино сердце. Ахъямка стал особенно часто ходить на охоту и почти всю битую птицу нес на кухню управляющего.

Там он подолгу сидел в углу у двери и смотрел на Лукерью, как она, высоко подтыкав юбку, мыла кухню или, засучив рукава кофты и обнажив пухлые белые руки, стряпала управляющему вкусные блюда.

Ахъямке делалось жарко. Он потел, утирал грязным рукавом старого азяма пот и говорил старику-дровоколу Осицу:

— Карюш депка, жирнай!..

Рабочие казармы, в которой жил и Ахъямка, сразу заметили его любовь и заготовили:

— Че, Ахъямка, скоро жениться будешь? Го, го, го!..

Некоторые с деланной серьезностью учили:

— Ты, паря Ахъямка, с исподтиха подъезжай к ей. Она девка матерая, ежели звезданет по уху, так не шибко поглянется!

И, насмешливо оглядев тщедушную фигуру Ахъямки, продолжали:

— Она ненароком тебя соплей пополам перешибить может.

Но Ахъямка не замечал насмешки.

В своей наивности полудикаря он верил, что рабочие дают ему дельные советы.

А казарма готовилась к самому смешному.

Сначала Ахъямке долго говорили о достоинствах Лушки, причем касались самых интимных подробностей и, наконец, под едва сдерживаемый хохот казармы, заранее предвкушавшей веселье, конюх Мартын говорил:

— А што, Ахъямка, тебе-то глянется Лушка?

Тогда глаза Ахъямки, подернутые и без того маслом, окончательно закрывались от удовольствия, он потел и, смеш-

но расставив руки с растопыренными пальцами, точно собираясь ваять ими что-то крупное, говорил:

— Карюш депка, жирнай!..

Взрыв хохота сопровождал эти слова, только Мартын крепился и спрашивал:

— Жирный, говоришь?..

Но тут обыкновенно и он не мог сдержаться и казарма долго тряслась от хохота, но Ахъямка, сообразив, наконец, что сказал что-то смешное, обижался, брал ружье и уходил на охоту.

Сегодня Лушка сама прибежала к нему в казарму, когда весь народ был на работе, и сказала, чтоб он принес дичи.

— Гости, вишь, будут. Барыня пашкетный пирог заказала, чтоб с рябчиками.

И вот тогда-то Ахъямка изловчился, поймал Лушку в охапку, прижал ей руки и долго, взасос, поцеловал.

Правда, Лушка смазала его за это кулаком по лицу, назвала татарской образиной и убежала, но при том никого не было, никто не засмеялся и Ахъямка был доволен собой.

Вот и сейчас он гнусит себе под нос свою песню, а сам думает, как ловко он схватил Лушку, облапил ее поперек, прижал к себе, точно перину и как это было ему приятно.

Воображение так разыгралось у Ахъямки, что он неожиданно остановился под елью и громко сказал:

— Женился нада!..

Но тут мысли его омрачились.

Он вспомнил, как вчера конюх Мартын отвел его в сторону и под хохот казармы таинственно предупредил:

— Мотри, паря, Лушка-то что-то больно зачастила к фершалу. Знать-то, она не за лекарствами к ему бегат.

Вспомнил Ахъямка это и ревниво стал сравнивать себя с «фершалом».

Тот был здоровый, рослый и краснолицый детина-хохол из ротных фельдшеро́в. Правда, он был хром, с раздвоенной, как у зайца, верхней губой и сизым от пристрастия к водке носом, но зато он хорошо играл на гармонии и пел песню про лучинушку.

Вспомнил Ахъямка свое курносое и скуластое лицо с черными узкими раскосыми глазами и черным же небольшим усом, и сравнение сделал не в пользу фельдшера.

Однако в нем поднялась злоба на соперника за то, что он хорошо играет на гармошке и поет заунывные песни, а Лушка любит музыку. Вот, может быть, и сейчас Лушка сидит у «фершала» и слушает «Лучинушку», подперев щеку двумя пальцами, а Ахъямка вот в лесу глухарей ищет.

И опять, как давеча, Ахъямка внезапно остановился и прошипел:

— Хрумой заис, язби ева!..

В это время впереди недалеко вылетела пара глухарей, и Ахъямка бросился за ними, позабыв и Лушку и счастливого соперника.

* * *

К фельдшеру, Акиму Павлычу, пришла Лушка.

Она давно управилась и подала обед господам. После обеда барин с барыней уехали на соседний прииск играть в карты. Лушка знала, что они приедут лишь на другой день и, убравшись с посудой, пришла к Акиму Павлычу.

Аким Павлыч сидел в своей комнате рядом с лазаретом на полу, на грязном и пахнувшем йодоформом лазаретном сеннике, и допивал вторую полбутылку водки.

Перед тем, как выпить рюмку водки, Аким Павлыч, как бы в раздумий, спрашивал себя:

— А цось воно таке зо мной буде, колы я ще трохы дребалызну?

И тут же отвечал:

— А побачимо.

Потом наливал рюмку и подносил ее ко рту и между ним и рюмкой происходил анекдотический на Украине диалог.

Аким Лазлыч сердитым басом спрашивал рюмку:

— Кто ты?

Водка в рюмке, как я следует говорить даме, отвечала самым высоким фальцетом:

— Aqua vita!

— А з чого ты? — не менее грозно вопрошал Аким Павлыч.

— З жита!

— А видкеля ты?

— З неба!

— А куда ты? — еще грознее спрашивал Аким Павлыч.

Но водке уже надоел опрос Акима Павлыча и она сердито отвечала:

— А туда, куда мне треба!

Тут Аким Павлыч окончательно выходил из себя.

— А пачпорт е?! — ревел он.

Водка сразу падала духом и жалобным голосом пищала:

— Нема!.

— А, нема! — злорадствовал Аким Павлыч и, скорчив грозную мину, выпивал рюмку, приговаривая внушительно:

— Так ось же тобі и тюрма!

Когда вошла Лушка, Аким Павлыч вскочил и галантно раскланялся.

— Пожалуйте, сударыня!

— Пожалуста, без выражений, — кокетничала Лушка, — вы всегда что-нибудь скажете такое...

— Что мы говорим такое? мы к вам по этикету обошлись, а не то, чтобы как, — обидчиво сказал Аким Павлыч.

— Ну, ладно, не сердитесь, Акимочка, я ведь к тебе на целую ночку, наши-то уехавши, — ласково пропела Лушка.

Фельдшер довольно загромыхал.

— О то гарно! От бисова дивчина, погуляемо, выпьемо, пожартуёмось!

И изо всей силы хватил гостью ладонью пониже спины.

Но Лушка только взвизгнула, получив такое доказательство любви, и бросилась целоваться с Акимом Павлычем.

В лазарете больных не было.

Аким Павлыч вежливо пригласил Лушку:

— Седайте пожалуйста, мадама!

И указывал на сенник, валявшийся на полу.

— На вот тебе, да это пошто на полу-то? — спросила, смеясь, Лушка.

— А по то, шо колы, значит, у градусы превзойдем, шоб не высоко падать було, — ответил, галантно раскланявшись перед «мадамой», Аким Павлыч.

— А на што сенник-то?

— Ха, ха, ха! Мы это по пословице делаем. Потому, значит, знаем, где упадем и на это место не токмо соломку — сенник подстилаем. А то, ненароком, сатромонталь-то с си-навицей произойти может.

Лушка слушала умные слова интересного кавалера, мле-ла от удовольствия и хихикала.

— Хи, хи, хи! И скажет же, черт ефиопский.

Потом Аким Павлыч и Лушка, обнявшись, сидели на сен-нике.

Аким Павлыч разводил гармонию и пел «Лучинушку».

Лушка слушала молча, но в местах, особенно ей нравив-шихся, не могла утерпеть и подтягивала фальшивым и виз-гливым голосом.

В таких случаях Аким Павлыч осаживал ее:

— Не горлань!

Время от времени Аким Павлыч брал бутылку, наливал две рюмки водки и потчевал:

— Ну-ко, Лушечка, трохи дребалызнем.

И закусывали принесенными Лушкой господскими за-кусками.

Быстро пьянели.

Вдруг случилось что-то странное.

Что-то грохнуло за окном.

Одновременно послышался звон разбитых оконных сте-кол, бутылка, которую держал в руке Аким Павлыч, разле-телась вдребезги и осколком от нее сильно ранило Лушку в щеку.

Лушка упала на сенник и завизжала, как порезанная свинья, а Аким Павлыч с растопыренными пальцами тупо уставился перед собой, стараясь сообразить, что такое случилось.

* * *

Ахъямка возвратился с охоты поздно.

Он долго гонялся за глухарями, которые точно дразнили его, не допуская на выстрел. Охотник вспотел и теперь немного зяб.

За спиной Ахъямки болтался огромный сизогрудый глухарь, а у пояса пары две рябчиков.

Но Ахъямка не обращал внимания на усталость и знатный, собравшийся к вечеру морозец, пронизывающий плохонький армячишко и колющий, как иглами, тело.

Он был настроен по-прежнему весело.

Ему думалось, что вот он придет поздно ночью на кухню, тихонько сложит на стол добычу, деловито подойдет к Лушкиной кровати; но сначала Лушку будить не станет, а будет гладить ее и целовать. Потом он станет потихоньку будить ее, но, при этом, так ловко поведет дело, что Лушка сама полюбит его.

И при одной мысли об этом Ахъямке казалось, что мороз еще более крепчает и лезет к нему за спину.

Сосны, замороженные луной, спокойно смотрели на быстро мчавшегося у их подножья маленького черноглазого и черноусого человека.

Путы лыж слегка поскрипывали, каек взрывал на склонах снег, и Ахъямка летел, точно на крыльях, подавшись слегка сгорбленным корпусом вперед и с каждым шагом подкатываясь на упругих лыжах.

Но когда Ахъямка, крадучись, точно вор, отворил дверь на кухню, волнуясь, положил добычу на стол и подошел к Лушкиной кровати, Лушки на ней не оказалось.

Ахъямку точно варом обдало.

Он пошарил еще раз по кровати, даже пощупал под подушкой, точно Лушка вдруг сделалась не больше коробки со спичками, потом чиркнул спичку и осмотрел кухню.

Лушки нигде не было.

Шум зажигаемой спички и шорох на кровати разбудил старика Осипа.

Он, зевая, обратился к Ахьямке:

— Ты че, Ахьямка, птису штоль принес?

Ахьямка смутился и залепетал:

— Лушка говорил, рябчика стрелять надо — вот притаскал.

— Положи тамотка на стол. Ужо Лушка придет — скажу ей.

Но Ахьямке не хотелось уходить. Он все ждал, что придет Лушка.

— Я еще глухарь притаскал тут.

— Ну ладно, ужо скажу ей. Иди теперича, спи.

Ахьямка, унылый и разочарованный, вышел из кухни.

Ему очень хотелось спросить у Осипа, где Лушка, но какое-то чувство, похожее на обиду и гордость, не позволило ему сделать этого вопроса.

Как-то невольно, не отдавая себе отчета, Ахьямка двинулся к лазарету.

Попробовал открыть дверь, но она не поддавалась.

— Ишь хрумой заис, язби ева, — проворчал Ахьямка.

Потом надел лыжи и подошел к окну комнаты фельдшера.

И через это окно, плохо завешенное старой дырявой скатертью, он увидел, как счастливый соперник целовал и мял в своих объятиях Лушку и как они весело пили водку и ели рябчиков, настрелянных Ахьямкой.

Ахьямка вдруг вспыхнул злобой.

Особенно обидным показалось ему, что ненавистный «хрумой заис» ест его рябчиков.

И обычно тихий и добродушный инородец сразу превратился в зверя.

Не сознавая, что делает, Ахьямка вскинул винтовку и выстрелил.

Но отчаянный вопль Лушки поразил его.

Ахъямка испугался.

— Уй, убил аднака, язби ева! — невольно вскрикнул он.

И через минуту был уже далеко от прииска, углубляясь на своих лыжах в лес, подгоняемый ужасной мыслью, бор-моча:

— Убил вить, убил депку!

Ему мерещилась окровавленная Лушка, урядник, вяжущий ему руки, тюрьма в городе, которую он давно когда-то видел издали, и боязнь потерять казавшуюся теперь такой дорогой свободу гнала Ахъямку все вперед и вперед.

Луна высоко катилась в небе.

Таинственные светотени ее придавали лесу жуткий вид. Ахъямке казалось, что кто-то бежит за ним страшный и крадется сзади и забегает вперед, прячась за стволы деревьев и высовывает из-за них длинные и сухие руки, похожие на огромные вороны лапы, и хватает ими за одежду.

Мороз крепчал.

Ахъямка все ускорял бег.

Лыжи звонко скрипели в путах, и Ахъямке казалось, что из-за этого скрипа не слышно шагов того страшного, который прячется за лесины.

Наконец он не выдержал и остановился, дрожа всем телом и шепча:

— Уй, шайтан, аднака, идет!

Но тишина подействовала успокаивающим образом, Ахъямхд немного ободрился, поднялся на пригорок и осмотрелся.

Далеко ушел.

Узнал место — верст пятнадцать отмахал.

Озяб Ахъямка. Снаружи мороз, внутри голод. С утра ничего не ел и сразу почувствовал Ахъямка, что смертельно устал.

Скорей костер надо зажигать.

Влез под пихту — развесилась своими лапами широко, точно балаган под ними нарочно устроила — обтоптал снег, обломал сухие ветки, подложил сухого древесного мха и полез в карман за спичками.

И обмер.

Спичек не оказалось.

Ахъямка вспомнил, что оставил их на столе в кухне, но не хотелось верить этому.

— Помирать тагда надо!

Дрожащими руками стал шарить за пазухой, в карманах, даже за голенищами торбазов.

Нет.

И сразу обмяк Ахъямка.

Сел на лыжи я заплакал.

— Уй, Исус, уй, Микола!..

Быстро закрестился и забормотал все, какие знал, русские божественные слова.

Но тут же стал молиться и по-татарски, как молился в детстве.

А холод обшаривал ледяными руками Ахъямкино тело, колол иглами и лез в самые теплые углы.

* * *

И снилось Ахъямке.

Пришла к нему Лушка. Мылом от нее пахнет и еще чем-то приятным. Рукава засучены, юбка подоткнута так, как она носит ее, когда моет на кухне.

Пришла и сразу к Ахъямке в объятия.

Теплая такая, так всего и согрела.

И Ахъямка ей шепчет:

— Карюш депка, жирнай! Женился, аднака, нада!..

ДЕКАБРИСТЫ В ЯЛУТОВСКЕ

(Из воспоминаний современника)

I

Ялуторовск — маленький городок Тобольской губернии — назначен был местом ссылки многих видных деятелей декабрьского восстания в 1825 году.

После каторги в Нерчинском округе в Ялуторовске были поселены князь Евгений Петрович Оболенский, Иван Иванович Пущин — друг А. С. Пушкина, Иван Дмитриевич Якушкин, Матвей Иванович Муравьев-Апостол — родной брат казненного Сергея Ивановича М.-А., Василий Карлович фон Тизенгаузен, члены Южного общества Н. В. Басаргин и А. В. Ентальцев. Около этого же времени в Ялуторовске был поселен некто Сабанский, о котором говорили, что он сослан также в связи с декабрьским восстанием.

Декабристы жили в Ялуторовске особняком.

Ялуторовская интеллигенция и чиновники боялись знакомиться с ними, так как декабристы были объявлены важными государственными преступниками и состояли под особо строгим надзором полиции, так что даже переписка их перлюстрировалась в Тобольске самим губернатором.

Однако и в Ялуторовске нашлось несколько человек, сочувствовавших декабристам. Из них первое место занимал теперь покойный почтмейстер Филатов, затем управляющий питейными сборами Николай Васильевич Балакшин — родной дядя Балакшина — учредителя и директора нынешнего Сибирского союза маслодельных артелей, и, как ни странно, третье место занимало духовное лицо — отец Стефан Знаменский — протоиерей.

Через почтмейстера и меня (я тогда тоже служил на почте) шла вся огромная переписка декабристов с Россией и заграницей. Разбирая почту, Филатов откладывал по из-

вестным ему одному приметам некоторые письма, адресованные на его имя, и посылал их со мной то тому, то другому декабристу. Благодаря оживленной переписке осведомленность декабристов обо всем, что делается даже за границей, была большая. Я помню, что еще за неделю до получения известий и манифеста о смерти Николая I-го к почтмейстеру вбежал сильно возбужденный И. И. Пущин и объявил о смерти императора.

Жили декабристы меж собой довольно дружно, иногда собирались вместе, но большею частью собрания эти происходили тайно от полиции.

Чаще всего декабристы и их немногие друзья собирались в большом доме с красивым мезонином, принадлежащем богачу барону Тизенгаузену. Это был большой и мрачный дом, два раза сгоревший дотла и вновь выстраиваемый бароном.

Декабристы не любили вспоминать былого. Лишь иногда, когда с ними были посторонние люди, разговор переходил на прошлое. Но и в таких случаях говорили больше о своей частной жизни, политических же волнений и прежней политической деятельности декабристы касались очень редко, вскользь и то тогда, когда оставались лишь с испытанными преданными друзьями.

Больше других о прошлом говорил И. И. Пущин. Он часто рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых А. С. читал друзьям свои стихи. У Пущина было много собственноручных писем и рукописей Пушкина, которые И. И. и показывал собеседникам.

Чаще других тем разговор касался времени, проведенного декабристами на каторге. Почти все жаловались на обиды и притеснения со стороны начальствующих лиц, на тяжелый режим тюремно-каторжной жизни и на суровый климат Сибири. Между прочим, в Ялutorовске во времена декабристов часто можно было слышать песню, характеризующую жизнь декабристов в ссылке:

1

Бывало, в доме преобширном,
В кругу друзей, среди родных
Живешь себе в веселье мирном
И спишь в постелях пуховых.

2

Теперь же в закоптелой хате
Между крестьян всегда живешь,
Забьешься, скорчась, на полати,
И на соломе так заснешь.

3

Бывало, предо мной поставят
Уху стерляжью, соус, крем,
Лимоном бланманже приправят,
Сiju и ничего не ем.

4

Теперь похлебкою дурною
С мякиной хлебом очень сыт.
Дадут капусты мне с водою —
Ем, за ушами лишь пищит.

5

Бывало, знатных по примеру,
Без лучшей водки есть нельзя.
Шампанское пьешь или мадеру,
Стаканы с пуншем вкруг тебя.

6

Теперь, отбросив все безделки,
Стремглав бежишь к жиду в корчму,
На гривну тяпнешь там горелки
И рад блаженству своему.

И т. д.

Песенка, сочиненная, как говорили, декабристом, князем Одоевским и разосланная им другим декабристам, сделалась так популярна, что ее знали наизусть даже все школьники.

В общем, декабристы жили тихо, видимо, скучали и мечтали об амнистии и возвращении в Россию. Особенное оживление они проявляли лишь, когда получалась почта и были письма из-за границы. С кем они переписывались там — я не знаю; из друзей своих они особенно оживленно переписывались с фон Визиным, жившим в ссылке в Тобольске. Переписка эта шла главным образом через протоиерея Знаменского.

II

В. К. фон Тизенгаузен

Ни о ком так много не говорили, как о бароне Тизенгаузене. Меж интеллигентной частью ялуторовцев ходили слухи, что барон принадлежал к масонской ложе, темная же часть Ялуторовска, а тогда этот, захолустный и сейчас, городок почти весь был темным, называла Тизенгаузена чернокнижником и чародеем. Слухи эти находили себе пищу в следующих обстоятельствах.

В нижнем подвальном этаже огромного дома барона стояло несколько больших алебастровых статуй нимф, фавнов и олимпийских богов. Эти «чудовища» с козлиными ногами и рогатыми головами наводили страх на прислугу, убиравшую комнату, и по городу ходили слухи о ночных колдовствах Тизенгаузена, об оргиях его с чертями и каменными нагими девками.

— Фармазон! — прозвали его ялуторовцы. Тизенгаузен, страстный садовод, разбил у своего дома на пустыре фруктовый сад, в котором вместе с наемными рабочими каждый день работал сам с заступом в руках. Он сам рассажи-

вал яблони, устраивал аллеи, вскапывал клумбы и катал тачку с дерном, причем шутил:

— На каторге научился.

Мещане живо истолковали трудолюбие Тизенгаузена на свой лад.

— Ишь его ворочает. Такой богатый, а сам тачку катает. Это ему черти покоя не дают.

И при встрече с ним тихонько крестились.

В доме Тизенгаузена не было икон, что в то время было чрезвычайно редким явлением, он не любил и никогда не принимал священников, никогда не ходил в церковь и не молился.

Когда горел дом барона, то из всех вещей он сам вынес статую Нептуна с трезубцем, но более ничего не велел выносить, пожарным же указал на смежные постройки и коротко бросил:

— Отстаивайте это.

Ялуторовцы по этому поводу говорили:

— Фармазон только главного черта вытащил. Всех хотел сжечь, да испугался.

Страх перед чернокнижником был так велик в народе, что, несмотря на то, что дом Тизенгаузена с драгоценной, выписанной им из Риги обстановкой, надворными постройками, амбарами и кладовыми никем не охранялся и у барона даже не было мужской прислуги, воры никогда не пытались его ограбить.

Впрочем, однажды произошел такой случай.

Как-то ночью, возвращаясь от Муравьева-Апостола, Тизенгаузен заметил, что в один из амбаров проникли воры. Подошел.

— Вы что тут делаете, друзья мои?

Ужасу воришек перед появлением чернокнижника не было предела. Они стояли не шелохнувшись, трепещущие, не смея выговорить слова.

Барон продолжал:

— Я вижу у вас в руках мешки; вам, вероятно, муки понадобилось. Ну, берите же скорее и ступайте домой, но смотрите, больше без моего разрешения не являйтесь!

Дождался, пока воришки трясущимися руками нагребли муки и бросились бежать, и спокойно пошел спать, даже не заперев амбара.

Среднего роста, лет шестидесяти, седоватый, слегка сгорбленный, он производил впечатление человека, над чем-то задумавшегося. С рабочими он был разговорчив, рассказывал о своей семье, оставшейся в Риге, о своей работе на каторге, о рудниках.

— Там вот и сгорбился.

Во время ссылки в Ялutorовске к Тизенгаузену приезжали два его сына-офицера и прогостили довольно долго.

Тизенгаузена помиловали ранее, чем других декабристов. Этому способствовали, вероятно, большие связи барона. Он уехал из Ялutorовска почти годом ранее других.

III

И. И. Пущин и Е. П. Оболенский

И. И. Пущин и князь Оболенский некоторое время жили на одной квартире. Они занимали приличный дом, имели выезд и многочисленный штат прислуги.

И. И. Пущин и князь Оболенский имели в Ялutorовске большое знакомство. Первый особенно дружил с почтмейстером Филатовым, а Оболенский с протоиереем Знаменским. Оболенский отличался набожностью. Его всегда можно было видеть в церкви усердно молящимся. Он любил принимать у себя священников и беседовал с ними подолгу. В большие праздники квартира его была открыта для детей-славильщиков.

С Пушиным у Оболенского были дружеские отношения, хотя он, по-видимому, не всегда разделял взгляды своего друга. Пущин не был особенно набожен, чрезвычайно редко посещал церковь, но священников по праздникам принимал охотно.

Оба эти декабриста отличались большой общительностью и доступностью для народа, помогали обращающимся к ним и деньгами, и советом, и юридическими знаниями. Они никогда не отказывали какому-нибудь бедняку-крестьянину или крестьянке написать письмо сыну-солдату, составить прошение, жалобу или заявление. За это и Пущин и Оболенский пользовались уважением и любовью местного населения, несмотря на то, что на этих декабристов, да еще на И. Д. Якушкина полиция указывала, как на самых тяжелых государственных преступников.

Отмечу одно, мне кажется, особо важное обстоятельство. В кабинете у князя Оболенского на столе всегда можно было видеть небольшую переплетенную книжку, на обложке которой было напечатано крупными буквами — «На смерть Милорадовича». Книжка содержала биографические очерки генерала, а на первой странице под обложкой было напечатано: «Генерал Милорадович был в 60 сражениях, Бог его миловал, но погиб от руки злодея Евгения Оболенского».

Видя эту книжку у Евгения Оболенского, я вместе с другими недоумевал, почему она всегда лежит на видном месте. По этому поводу в городе носилось много слухов. Говорили, что держать перед глазами эту книжку князю предписано правительством в наказание за убийство Милорадовича — чтоб терзался совестью.

Другие говорили, что сам Оболенский наложил на себя это наказание.

Благодаря, вероятно, этой книжке в Ялуторовске все были уверены, что Милорадовича убил Оболенский, и лишь впоследствии я узнал, что генерал пал от руки Каховского.

В Ялуторовске князь Оболенский женился.

Женился он на своей горничной, не особенно красивой, неинтеллигентной и неграмотной девушке, происходящей из бедной семьи мещан Ялуторовска. Женитьба эта наделала много шума, и даже почти все остальные декабристы отвернулись от князя за этот *mesallians**.

* Так у автора, правильно *mésalliance* (фр.), мезальянс (*Прим. сост.*).

Но князь не смутился общим негодованием. Он деятельно занялся общим развитием своей жены, и через год она была хорошо грамотна, развилась и стала держаться настолько прилично, что все отвернувшиеся было от Оболенского декабристы стали принимать ее и вновь бывать у Оболенского.

От этого брака у князя родилось три сына. Князь очень любил жену и детей и имел на семью чрезвычайно хорошее влияние. По окончании срока ссылки они уехали в Петербург, причем подорожная была выдана на «малолетних князей Оболенских», так как самому Евгению Петровичу и его жене княжеское достоинство возвращено не было.

И. И. Пущин, когда после женитьбы князь Оболенский переехал на другую квартиру, остался на первой и прожил в ней одиноким до выезда из Ялуторовска, не прерывая дружбы с семьей князя.

IV

Остальные декабристы. Школа

Замкнутее всех жил М. И. Муравьев-Апостол. Его редко можно было видеть на улицах города. Жил он с женой в собственном, хорошо обставленном доме. При доме был небольшой садик, в котором часто Матвей Иванович сидел с женой и пил чай. Не знаю, были ли у них дети и где они жили, с ними же жила лишь воспитанница-племянница, девушка Созонович.

Из всех декабристов М. И. был особенно дружен с Тизенгаузеном, почему и его называли масоном. Характер у М. И. был суровый и настойчивый. Про него рассказывали, что когда при проезде наследника, позже императора Александра II, через Ялуторовск всем декабристам приказано было не выходить из квартир, М. И. не послушался приказа, пытался выйти и лично увидеть наследника. Только удар в грудь прикладом от караульного солдата заставил

М. И. покориться силе.

Во время проживания М. И. в Ялutorовске у него временно жили и некоторое время учились в ялutorовской школе братья Созонович и приезжали дети умершего в Баргузине декабриста Кюхельбекера.

Матвей Иванович уехал из Ялutorовска вместе с другими в 1856 году. Он дожил до глубокой старости. В Москве, когда короновался император Александр III, 92-летний М. И. Муравьев-Апостол, которому тогда было возвращено дворянство и все знаки отличия, полученные им во время войны 1812 г., был в числе других почетных гостей.

А. В. Ентальцев жил также с женой. Жил он скромно и незаметно. Незадолго до помилования он сошел с ума и умер. Жена его еще некоторое время прожила в Ялutorовске, а потом куда-то уехала.

Так же незаметно прожил свое поселение в Ялutorовске и Н. В. Басаргин, женившийся там на купчихе, вдове Медведевой.

Иван Дмитриевич Якушкин жил одиноко в отдельной квартире. Все время поселения в Ялutorовске Якушкин принимал самое живое и горячее участие в основанной декабристами школе. Любитель метеорологии и естественных наук, Якушкин у себя во дворе поставил столб, на котором были устроены солнечные часы, поставлен барометр и флюгер. Несмотря на то, что Якушкин своей школой сделал много добра городу и пользовался любовью учеников и уважением более сознательной части горожан, темный народ его не любил. Скоро разнесся нелепый слух, что Якушкин «посредством своего столба с дьявольским флюгером отводит тучи и делает засуху» — и два раза ночами, к великой досаде Ивана Дмитриевича, этот столб срубали.

Якушкин вел строгий образ жизни, занимаясь больше науками и чтением книг, и слыл за чрезвычайно начитанного и ученого человека. Но в общении Ив. Д. был прост, чрезвычайно любил детей, был каждому доступен. Летом его можно было видеть каждый день на реке, где он подолгу купался. Купался он почти до заморозков, а с первым льдом купанье переменил на коньки.

Основанная и содержавшаяся на средства декабристов школа находилась в специально для нее выстроенном декабристами же в соборной ограде здании. До открытия этой школы, названной духовной, но впоследствии переименованной в приходскую, в Ялutorовске было лишь одно училище — уездное. В уездное училище принимались исключительно дети чиновников, купцов и мещан, дети же крестьян, поселенцев и солдат не принимались. Вследствие этого открытие духовной школы было сущим благодеянием для низших сословий, и в школу охотно шли учиться дети всех возрастов и сословий. Прием в школу не был ограничен возрастом, и нередко можно было видеть учеником школы, особенно последних ее отделений, юношу лет 20.

Официальными преподавателями школы считались двое не окончивших курс семинаристов, а именно соборный дьячок Евгений Флегонтович Седачев и пономарь Христофор Федорович Иваницкий. Смотрителем же неофициально был И. Д. Якушкин, который часто посещал школу и наблюдал за общим ходом ученья. Оба учителя получали указания главным образом от Ивана Дмитриевича.

Так как за школой был учрежден строгий надзор полиции, то декабристы, за исключением Якушкина, бывали в ней чрезвычайно редко. Вообще, открытие школы, хотя неофициальное заведование ею Якушкиным, общее влияние на нее других декабристов и т. п. — все это было обязано соборному протоиерею, отцу Стефану Знаменскому, человеку уважаемому, умному и по-тогдашнему хорошо образованному.

В школе преподавалась азбука по самому последнему методу, введенному Якушкиным, чтение, письмо, правописание (грамматика), псалтырь, часовник, закон Божий, а с 5-го отделения — латинский и греческий языки, причем даже преподавалась грамматика этих языков.

Всего отделений было 9, но из отделения в более старшее отделение переводили по способностям, так что некоторые кончали школу в 3-4 года. В младших классах преподавали ученики старших отделений, так как в школе учеников было до 100 человек, а учителей лишь 2 на всех.

Способ преподавания был главным образом наглядный, по таблицам, книг же не было, за исключением Псалтыря и Часослова.

УБИЙСТВО САБАНСКОГО

В то время, когда в Ялуторовске жили декабристы, город был потрясен ужасным преступлением. Был убит в своей квартире ссыльный Сабанский*, ссылку которого в Ялуторовск ставили в прямую связь с декабрьским восстанием.

Сабанский был человек состоятельный. Жил он одиноко в собственном особняке, имел лошадей и даже повара; этот-то повар и сыграл роковую роль в жизни Сабанского.

Однажды Сабанский был в гостях у Балакшина; возвратившись от него уже в два часа ночи, Сабанский прошел к себе, сказав кучеру, что он свободен и может идти в людскую.

Наутро прислуга, обеспокоенная долгим сном барина, заглянула в окно и подняла переполох. Сабанский оказался убитым. Прибывшие власти констатировали зверское преступление. Сабанский был зарезан несколькими ударами ножа в шею. Картина, представившаяся глазам первым вошедшим в комнату, была ужасна. Сабанский лежал ничком, уткнувшись в молитвенник, который держал в руках развернутым на «отходной» молитве. Кровь от удара ножом брызнула на стену и на ней образовалось огромное пятно. Вся комната была залита кровью и мебель и стены забрызганы ею.

Сундуки и шкафы были изломаны и ценные вещи и деньги похищены.

Подозрение сначала пало на кучера, которого взяли в острог и, как он говорил впоследствии, пытали, но потом, в связи с исчезновением повара покойного, заподозрили в убийстве его и, надо отдать справедливость тогдашней ялуторовской полиции, подняли на ноги весь край.

* Речь идет о Готарде Собаньском, сосланном в Ялуторовск за участие в польском «Ноябрьском восстании» 1830-31 гг. Описываемое убийство произошло в июле 1841 г. (*Прим. сост.*).

Недели через две, где-то под Тюменью, были пойманы трое бродяг, оказавшихся поваром и двумя его товарищами. Бродяги недолго запирались. Вскоре один из них, более слабый, сознался, как было совершено преступление. Инициатором убийства оказался повар, прослуживший у Сабанского три года. Когда Сабанский в роковую ночь вошел в дом, убийцы уже ждали его там. Сабанский страстно просил оставить ему жизнь. Он отдавал грабителям все имущество и клялся никогда не доносить на них. Оба бродяги сжалились было над ним и предлагали связать его и посадить в подполье, а самим тотчас бежать. Тем более, говорили они, что все равно подозрение падет на нас и за убийство нас с большим старанием будут искать и тяжелее накажут, чем за грабительство по жалобе Сабанского, если он и не сдержит клятвы, но повар остался непреклонным. Тогда Сабанский стал просить, чтобы разрешили умереть похристански, покайсявшись в грехах, и это разрешение ему было дано; когда несчастный, стоя на коленях, прочел себе отходную молитву — повар ударил его ножом в горло.

Варварское преступление возмутило тихий и мирный городок. Как общественное мнение, так и власти были сильно возмущены убийцами. Повара охранял усиленный наряд караульных, так как боялись самосуда толпы.

Когда было окончено следствие и суд приговорил убийц к наказанию кнутом и ссылке навечно в каторжные работы, из Тюмени был выписан знаменитый в то время заплочный мастер, которому администрацией было приказано заporоть повара насмерть. Утром, в день совершения казни, толпа народа окружила невысокий помост — «кобылу». По помосту ходил огромного роста и широкоплечий мужик с бритой бородой, длинными усами и копной курчавых волос. Он был в красной рубахе и широких плисовых шароварах. При ходьбе он игриво помахивал толстым кнутом. Это был тюменский палач, который, как говорили, мог с двух ударов убить человека. Два других заплочных мастера — наш ялutorовский и тобольский — стояли у своих мест.

Не буду описывать сам процесс казни. Да, признаться, и не выдержал я картины, ушел домой, но тюменский па-

лач сдержал слово и заporол повара до смерти.

По поводу убийства товарища по несчастью у декабристов состоялось несколько собраний, на которых оживленно комментировалось событие.

В общем на декабристов преступление подействовало угнетающим образом. Сабанского жалели.

Примечания

Биографические сведения об Александре С.<ергеевиче?> Семенове практически отсутствуют. В 1913 г. под псевдонимом «Сергей Семенов» он опубликовал в *Сибирском архиве* мемуар «Декабристы в Ялуторовске» (№ 6-8)¹ и маленький очерк «Убийство Сабанского» (№ 12)²; еще один напечатанный в *Сибирском архиве* за 1913 г. очерк, «Религиозный перелом на Алтае» (№ 9-11), вышел за подписью «А. Семенов»³.

Из этих текстов можно лишь почерпнуть, что в юности Семенов жил в Ялуторовске Тобольской губернии, где обретались на поселении многие декабристы. Здесь (видимо, в 1850-х гг.) Семенов служил на почте под началом симпатизировавшего ссыльным декабристам почтмейстера М. Ф. Филатова и был причастен к тайной переписке ссыльных.

Настоящее имя «Сергея Семенова» и «А. Семенова» выясняется из его письма к редактору *Сибирского архива* А. И. Линькову от 27 июня 1913 г.; отсюда можно также понять, что по крайней мере на склоне лет Семенов жил в Барнауле. Письмо это подписано: «Александр (Сергей) Семенов. Адрес: Барнаул, Томской губ., Томская ул., д. № 95 Чупрунова»⁴.

В том же 1913 г. в газете *Жизнь Алтая* был опубликован рассказ *Ахъямка* (за подписью «А. С. Семенов»)⁵. И наконец, в *Алтайском альманахе* под ред. Г. Д. Гребенщикова увидело свет наиболее крупное произведение Семенова — повесть «Белый Бурхан»,

¹ Семенов С. Декабристы в Ялуторовске: (Из воспоминаний современника) // Сибирский архив. 1913. № 6-8, июнь-август. С. 276-284; см. также: Семенов С. Декабристы в Ялуторовске // В потомках ваше имя ожишет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С.278-286, 334-335.

² Семенов С. Убийство Сабанского // Сибирский архив. 1913. № 12, декабрь. С. 503-504.

³ Семенов А. Религиозный перелом на Алтае // Сибирский архив. 1913. № 9-11, сентябрь-ноябрь. С. 388-397.

⁴ Это письмо от 27 июня 1913 г., в котором Семенов выражал неудовольствие задержкой с выплатой гонорара и присылкой номера журнала с его воспоминаниями, сохранилось в фонде археолога и краеведа М. П. Овчинникова (ГАИО, ф. 778, оп. 1, д. 104).

⁵ Семенов А. С. Ахъямка // Жизнь Алтая. 1913. № 160, 21 июля. С. 2-3.

художественно-документальное (и романтизированное) повествование о зарождении бурханизма в Горном Алтае, насыщенное алтайским фольклором и этнографическими описаниями⁶.

Повесть была закончена не позднее 1912 г. и отправлена не то автором, не то Г. Д. Гребенщиковым М. Горькому. Последний положительно оценил «Белый Бурхан» и, в свою очередь, переслал повесть с Капри редактору журнала *Современник* Е. А. Ляцкому. В письме к Ляцкому от 18/31 декабря 1912 г. Горький писал:

«Засим: посылаю вам рукопись А. Семенова “Белый бурхан”. Это весьма интересная вещь, и ее следует напечатать.

Но — автор перепутал поэму с обличительной корреспонденцией. Все, что относится к обличительному жанру, должно быть переделано в том серьезном тоне, как написана сцена поцелуя архиерейского нищему, и сообразно тем указаниям, которые даны на первых страницах рукописи. Если автор не может сделать этого сам — пусть он поручит мне.

Я пишу вам об этом потому, что адрес автора мне неизвестен, и я прошу вас узнать через Гребенщикова, кто Семенов и где он?

Было бы хорошо иметь эту вещь на февр[аль] готовой, т. е. — исправленной. Интересны в ней песни, печатать их следовало бы другим шрифтом»⁷.

Горький, вероятно, действительно приложил руку к редактированию «Белого Бурхана», так как в июле 1913 г. Гребенщиков сообщал читателям *Жизни Алтая*: «Повесть была одобрена и отредактирована М. Горьким для “Современника”, но, по просьбе моей, уступлена для “Алтайского альманаха”»⁸.

Повесть была отмечена критиками, однако оценки их оказались двойственными.

«Интересна и красочна <...> беллетристика сборника — повесть А. Семенова “Белый Бурхан” полна живыми образами интересных типов», — писал в *Современном мире* В. Брусянин⁹.

⁶ Семенов А. Белый Бурхан // Алтайский альманах. СПб., 1914. С. 45-100.

⁷ Горький М. Переписка с Е. А. Ляцким // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Незданная переписка. М., 1988. С. 545.

⁸ Гребенщиков Г. «Алтайский альманах» // Жизнь Алтая. 1913. № 154, 14 июля. С. 4.

⁹ Брусянин В. Алтайский альманах... // Современный мир. 1914. № 10. С. 205.

Рецензент *Сибирской жизни* Ал. Лаптев отметил, что «автор “Белого Бурхана” старается заинтересовать читателя посильным изображением драмы духовного возрождения инородцев и отношений между ними и русскими».

«Канвой для повести А. Семенова “Белый Бурхан” послужило действительное событие. История распространения бурханизма среди калмыков-алтайцев, омрачившаяся возмутительным фактом насилия со стороны русских, рассказана в ряде недурно написанных картин наиболее ярких моментов алтайского быта.

К сожалению, автору не удалось вполне войти в душу калмыка-алтайца, и образ подлинного инородца ускользает. Мы еще слишком мало знакомы с душой сибирских инородцев и я боюсь, что инородцы молодой сибирской литературы являются параллелью “пейзан” русской литературы доброго старого времени.

Автор иногда сбивается с тона. Не удалось ему также слить рассказ в компактное целое. Тем не менее, повесть читается с интересом благодаря яркости отдельных пятен, простоте и безыскусственности языка»¹⁰.

В советские времена повесть Семенова, разумеется, не переиздавалась, однако на излете «перестроечных» лет Г. Андреев позаимствовал ее заглавие для своего пухлого приключенческо-конспирологического «романа-фантазии» «Белый бурхан» (Барнаул, 1989).

Едва ли следует указывать, что при работе над повестью Семенов не ставил перед собой задачу полной исторической достоверности и тем более полноценного анализа бурханизма — сложного явления, которое по сей день продолжает вызывать оживленные научные и политические споры. Заинтересованного читателя мы отсылаем к публикациям последних лет, например тематическому номеру *Этнографического обозрения*, посвященному бурханизму (2005. № 4), монографии Л. И. Шерстовой «Бурханизм: Истоки этноса и религии» (Томск, 2010), ценному сборнику «Бурханизм — Белая вера (Ак јанг): Документы и материалы» (Горно-Алтайск, 2014) и т.д.

¹⁰ Лаптев Ал. Алтайский альманах // Сибирская жизнь. 1914. № 14, 18 января. С. 2.

Все включенные в книгу произведения А. Семенова публикуются по первоизданиям с исправлением наиболее очевидных опечаток. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Сохранено авторское написание имен, топонимов, терминов и т.д.

В оформлении обложки использована картина алтайского художника Г. И. Чороса-Гуркина (1870-1937) «Кезер-Таш» (1912); ему же принадлежит обложка «Алтайского альманаха», воспроизведенная на фронтисписе. Из «Алтайского альманаха» также взяты заставки и концовки работы Чороса-Гуркина и И. Вандакурова.

Оглавление

Белый Бурхан	6
--------------	---

Приложения

Религиозный переворот на Алтае	69
--------------------------------	----

Ахъямка	83
---------	----

Декабристы в Ялуторовске	93
--------------------------	----

Убийство Сабанского	104
---------------------	-----

П р и м е ч а н и я	107
---------------------	-----

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.